

ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ
Департамент национальной политики
и межрегиональных связей города Москвы
Государственное бюджетное учреждение города Москвы
«Московский дом национальностей»

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КРЫМ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, СОВРЕМЕННОСТЬ

*Информационные материалы
заседания круглого стола ГБУ «МДН»*

Государственное бюджетное учреждение
Московский дом национальностей

20

20 лет содействия
гармонизации
межнациональных
отношений

Москва – 2018

ПРАВИТЕЛЬСТВО МОСКВЫ
Департамент национальной политики
и межрегиональных связей города Москвы
Государственное бюджетное учреждение города Москвы
«Московский дом национальностей»

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КРЫМ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, СОВРЕМЕННОСТЬ

*Информационные материалы
заседания круглого стола ГБУ «МДН»*

Москва – 2018

Многонациональный Крым: история, культура, современность.
Информационные материалы заседания круглого стола ГБУ «МДН». –
Москва: ГБУ «МДН», 2018. – 96 с.

Под редакцией
В.Б. Тарасова, А.Б. Дрожжина

Составители:
Г.В. Бурова, С.А. Орешин

Содержание

В.Б. Тарасов. Вступительная статья	4
Е.Е. Яблонская. Воссоединение Крыма с Россией – торжество человеческой и исторической справедливости	6
В.С. Лопатин. Г.А. Потёмкин и Крым.....	12
Е.А. Финоченко. А.В. Суворов в Крыму.....	22
И.В. Туркова. В.А. Перовский и Крым. Последний приют.....	26
Н.П. Васадина. Мы помним и чтим. Оккупированный Крым (фильм «Эхо войны в детских сердцах»).....	45
Н.Ф. Бугай. Страницы истории: принудительное переселение этнических общностей Крыма в 1940-е годы. Новое в изучении проблемы.....	48
С.А. Орешин. Крым на крутом переломе истории: 1917–1921 гг.	57
И.В. Перегуда (Деревяникина). Греки Балаклавы на службе России.....	67
Т.Н. Ознобишина. Илья Иванович Ознобишин – участник сражений русско-турецкой войны 1787–1790 гг.	74
А.Д. Тверитинов. Взгляд на принадлежность Крыма и Севастополя через историю одного из рязанских родов.....	80
О.В. Локтева. Крым в родной гавани.....	91

В.Б. Тарасов,
директор
Государственного бюджетного
учреждения города Москвы
«Московский дом
национальностей»

Дорогие друзья!

В 2018 году наша страна отмечает юбилей знаменательного события – 235-летия вхождения Крыма в состав Российской империи.

Крымский полуостров всегда играл особую роль в истории нашей страны. Достаточно вспомнить, что именно в Крыму, в древнем городе Херсонесе, находящемся на территории современного города-героя Севастополя, 1030 лет назад принял христианство святой равноапостольный князь Владимир. И именно из Крыма новая вера стала распространяться на Руси.

Крымская земля хранит память о героических подвигах российских воинов разных национальностей, защищавших нашу Родину от врагов в годы Крымской и Великой Отечественной войн. Героическая оборона Севастополя в 1854–1855 и 1941–1942 гг. стала символом бесстрашия, самоотверженности, величия духа наших солдат и жителей полуострова, мужественно сражавшихся с интервентами за свободу и независимость Отечества. Имена бойцов, павших при обороне и освобождении Крыма, навеки останутся в памяти потомков.

Нельзя не отметить также тот факт, что Крым – один из самых многонациональных регионов нашей страны. В Крыму проживают представители 175 национальностей. Веками на этой благодатной земле люди жили в мире и согласии, и сегодня мы смело можем утверждать, что в Крыму выработана прекрасная модель гармоничного содружества представителей всех национальностей, которые живут и трудятся

бок о бок друг с другом. Этнокультурное многообразие – одно из главных богатств Крыма.

Сегодня Крым – один из важнейших промышленных, научных, культурных, туристических центров нашей страны. Многочисленные гости этого региона, приезжающие из разных уголков России и из-за рубежа, имеют прекрасную возможность познакомиться с природными и историко-культурными памятниками полуострова, прикоснуться к яркой и самобытной культуре народов, его населяющих.

Уверен, что сохранение и поддержка национальной культуры, языков народов Крыма, бережное отношение к исторической памяти послужит залогом успешного развития Республики Крым и города Севастополя в рамках единого российского экономического, политического и культурно-цивилизационного пространства.

Яблонская Елена Евгеньевна,
писатель, член Союза писателей России

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА С РОССИЕЙ – ТОРЖЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ И ИСТОРИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Первое издание моей книги «Крым как предчувствие» вышло в свет в 2015 г. в честь годовщины воссоединения Крыма с Россией. Книга выдержала два издания и удостоена Международной литературной премии имени Сергея Михалкова «Лучшая книга 2016 года». Автор родилась в Ялте в 1959 году, жила там до окончания средней школы и, конечно, никогда не теряла связей с Крымом, постоянно писала о нем – прозу и художественную публицистику. Собственно, и писателем я стала ради того, чтобы удержать в памяти и на страницах книг любимых людей – ушедших дедов и бабушек, друзей, одноклассников, учителей. Так, в 2014 году я выпустила небольшую книгу «Город мой – Ялта» (М.: МГО СП России, НП «Литературная республика», 2014), а в 2015 году – такого же формата, стостраничную книжечку «Мыс Меганом» (М.: МГО СП России, НП «Литературная республика», 2015).

В данное издание (Елена Яблонская. Крым как предчувствие. Повести, рассказы, эссе. 2-е изд., испр. и доп. / СПб.: Алетейя, 2018. – 368 с.) вошли повести, рассказы и эссе, написанные в период с марта 2007 г. по март 2017 г. Как указывается в авторской аннотации, «все произведения расположены в порядке написания и связаны с Крымом, малой родиной автора. Книга убедительно свидетельствует о том, что Крым лишь формально был в течение некоторого времени за границей для русских людей. Крым Елены Яблонской – образ потерянной, но неотъемлемой части России, снова и уже навеки вернувшейся к нам, образ родной и одновременно, по словам президента и премьер-министра России, сакральной территории. Книга посвящена третьей годовщине величайшего события – торжеству человеческой и исторической справедливости – воссоединения Крыма с Россией».

В предисловии «Обретение Крыма» мой учитель по Высшим литературным курсам при Литературном институте имени А.М. Горького, сопредседатель Крымской организации Союза писателей России, писатель и публицист Андрей Воронцов дал краткий, но весьма емкий

экскурс в историю Крыма и в заключение отметил: «Сегодня немногие даже из воцерковленных людей понимают, а почему, собственно, мы – Третий Рим? Только потому, что переняли от Рима Второго, Византии, Православие? Имперскую идею? Или потому, что Иван III привез из Византии жену, Софью Палеолог? В Крыму, среди развалин его византийских церквей и крепостей, начинаешь, наконец, понимать, почему. Узкий перешеек, отделяющий Крым от материка, есть, в сущности, мост между Вторым Римом и Третьим. И ответ на вопрос о причинах уникальности России надо начинать искать здесь. Считаю, что Елена Яблонская написала одну из тех книг о Крыме, которая поможет нам в этих поисках».

Книга «Крым как предчувствие» состоит из двух разделов. В первый, занимающий примерно две трети объема, вошли повести и рассказы, во второй – эссе о писателях, связанных с Крымом жизнью и творчеством. Конечно, главное место в моих художественных произведениях занимает родная Ялта, но в целом «география» книги довольно обширна: это Симферополь и Стерегущее (рассказ «С перевалов Гиндукуша» и повесть «Тополиный пух»), Севастополь и Балаклава (рассказы «Наша бабушка лучше» и «Иероглиф счастья»), Судак и карадагская биостанция (повесть «Мыс Меганом», рассказы «Пугающая близость Карадага» и «Расписание оргий»), Керчь («Город-герой»), Евпатория и Гурзуф («Здесь пресекались рельсы...» и «Медведь-гора»). Особо хотелось бы отметить рассказ «Разбитое будущее» и повесть «Мыс Меганом». В «Разбитом будущем» мне, надеюсь, удалось наглядно показать ситуацию в Крыму и настроения крымчан, когда русский язык пытались (разумеется, безуспешно!) всячески вытеснить с нашего полуострова (отчасти об этом же – в эссе «Бабушка из Киева»). А в небольшой (34 страницы) повести «Мыс Меганом» я документально точно передала разговоры крымчан и гостей Крыма в судьбоносном августе 1991 г., затем в августе 1997 г. и, наконец, в августе 2014 г., когда героиня едет по «единому билету» из Москвы «в Ялту, к родным». Крым всегда был русским! Крым – это Россия! Так завещали нам родители, деды и прадеды. Об этом говорят и свидетельствуют герои моей книги.

Второй раздел книги – эссе о писателях, связанных с Крымом. Два произведения («Дни на моей родине» и «Лета земные») посвящены великому русскому, крымскому, советскому писателю Анатолию Ива-

новичу Домбровскому. А.И. Домбровский – писатель-философ, писатель-пророк, предсказавший очень многое из того, что случилось с Крымом и всей нашей страной. При этом романы и повести Анатолия Домбровского захватывающе интересны! В книге соседствуют такие разные писатели, как Юрий Олеша («Детство, которого не было») и, как ни парадоксально, Уильям Шекспир («Потрясающий копьём»), потому что переводчик Шекспира С.Я. Маршак несколько лет жил в Ялте и учился в ялтинской гимназии.

Эссе «Прощание с Крымом» посвящено петербургскому поэту Александру Кушнеру, написавшему в ответ нашим недоброжелателям и всем сомневающимся: «Конечно, русский Крым с прибором под скалою, / С простором голубым и маленькой горою, / Лежащей, как медведь, под берегом крутым. / Конечно, русский Крым, со строчкой стиховую, / И парус на волне, и пароходный дым... / Конечно, Мандельштам, полынь и асфодели. / И мы с тобой не раз бывали в Коктебеле, / И помнит Карадаг, как нами он любим / На зное золотом. Неужто охладели / Мы, выбились из сил? Конечно, русский Крым». Позволю себе также привести заключительные строки из эссе «Прощание с Крымом»: «Будем помнить, однако, что Крым вернулся благодаря желанию, воле, стремлению к справедливости, усилиям, «умному деланию» многих людей – и крымчан, и граждан России. После эйфории первых месяцев «крымской весны» здесь, в Москве, уже послышались недовольные возгласы: «Вот, мол, у тебя пенсия и так маленькая, а из-за Крыма и еще меньше будет...» Я отвечала: «Да какая там пенсия! Ради Крыма я все с себя готова снять и отдать!.. И вообще, эта тема для меня свята, я ее не обсуждаю: это мой Крым, и он воссоединился с моей Россией!» В августе на Соловках я познакомилась с двумя немолодыми женщинами-петербурженками. Мы вместе купались в Святом озере. Узнав, что я родом из Крыма, они бросились меня поздравлять. Я посетовала, что кое-кто у нас в Москве не разделяет нашей радости, передала разговоры о пенсиях... И тут произошло маленькое чудо: одна из женщин, Алла, воскликнула: «Да какие там пенсии! Ради крымчан мы все с себя готовы снять и отдать! И у нас в Петербурге все так считают!» Мне показалось на миг, что сейчас она рванет рубаху на груди. Так и стояла я, счастливая, по шею в водах Святого озера, за спиной – твердыня Соловецкого монастыря, а в глаза – радость и готовность «все отдать» Аллы из Петербурга. Петербуржцы, родные, спасибо!»

Эссе «Неразрывные нити» посвящено великому русскому писателю Михаилу Шолохову, который, кажется, не написал о Крыме ни единой строчки, но зато часто бывал у нас, потому что сын его Александр Михайлович Шолохов всю жизнь проработал в Никитском ботаническом саду и дружил с моим отцом. В эссе «Не далее как в Ялте...» я делюсь некоторыми соображениями о крымском романе «Исповедь мужа» («Ай-Бурун») Константина Леонтьева, служившего во время обороны Севастополя хирургом в госпитале, а также сравниваю видение событий тех лет К.Н. Леонтьевым, Л.Н. Толстым и Е.Л. Марковым, который путешествовал по Крыму через десять лет после Крымской войны. В уже упомянутом эссе «Бабушка из Киева» я позволила себе ввести некоторую интригу и художественный элемент: крымский город и проживавшие там писатели зашифрованы под разными буквами и читателю предлагается разгадать, кто есть кто. Острое, полемическое эссе «Красный Крым» посвящено выдающемуся, ныне незаслуженно забытому советскому писателю Александру Малышкину, который не только написал блестящие произведения о Крыме (повести «Падение Даира» и «Севастополь», рассказ «Поезд на юг»), но отвоевал для нас наш Крым: А.Г. Малышкин служил в армии Фрунзе и брал Перекоп!

Заключительное произведение, давшее название всей книге «Крым как предчувствие», посвящено моему любимому писателю Антону Павловичу Чехову. Это исследование о роли Крыма в жизни и творчестве А.П. Чехова, причем, что мне представляется очень важным, я рассматриваю не последние годы, проведенные писателем в Ялте, а напротив, пишу, возможно, немного фантазируя, о юности Чехова, мечтавшего, как мне кажется, о даче на Южном берегу Крыма. И эта мечта все-таки сбылась, пусть не совсем так, как хотелось бы... Именно поэтому – «Крым как предчувствие», то есть Крым, предчувствованный молодым Чеховым. Приведу заключительные строки моего эссе о Чехове и – о нашей современности: «Первый памятник А.П. Чехову в Ялте был установлен в 1953 г. в Приморском парке. Оказывается, памятник этот с 1954 г., когда Н.С. Хрущев сделал своей малой родиной столь же бесценный, сколь и незаконный крымский «подарок», и до 2011 г. был на Украине единственным! И это притом, что Антон Павлович – на четверть малоросс (между прочим, точно как я, только я по материнской линии, а он по отцовской). Он, сам себя сделавший великий труженик (о чем прекрасно написал К. Чуковский в книге «О Чехове»), любил пошутить по поводу своей «хохлацкой лени».

И вот 4 февраля 2011 г. в Харцызске Донецкой области возле здания железнодорожного вокзала установили памятник А.П. Чехову, не памятник даже, скромный бюст. Об этом статья в Интернете: «Города Харцызск и Таганрог – побратимы, а семья Чеховых, проживавшая в Таганроге, имела торговые и дружеские связи с греческой семьей Агалли, которые были жителями Харцызска, – читаем в Интернете. – В юности Антон Чехов не раз бывал в Харцызске и даже испытывал симпатию к одной из дочерей богатого купца Агалли... Харцызск упоминается в письме Чехова к сестре Марии Павловне. В 1887 году, когда великий писатель проезжал через донецкие степи во время поездки из Москвы в Таганрог, в письме к сестре написал: «Харцызск. 12 часов дня. Погода чудная. Пахнет степью и слышно, как поют птицы. Вижу старых приятелей: коршунов, летающих над степью... Потом прогулка по платформе. В крайнем окне второго этажа станции сидит барышня (или дама, черт ее знает) в белой кофточке – томная и красивая. Я гляжу на нее, она на меня... о чудное виденье! Получил катар в сердце и поехал дальше...». Еще всего лишь одно слово-упоминание Чехова о Харцызске: Антон Павлович пишет в письме И.Ф. Иорданову от 25 июня 1898 г. из Мелехово: «...Донецкую степь я люблю и когда-то чувствовал себя в ней, как дома, и знал там каждую балочку. Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Саур-Могилу, рассказы про Зуя, Харцызза, генерала Иловайского, вспоминаю, как я ездил на волах в Криничку и в Крепкую графа Платова, то мне становится грустно и жаль, что в Таганроге нет беллетристов и что этот материал, очень милый и ценный, никому не нужен». В благодарность за маленькое упоминание об их городке жители Харцызска поставили памятник у себя в городе...».

Крым удалось избежать страшной участи, и в моей Ялте по-прежнему все живет, дышит, грезит Чеховым. Улица Чехова, бывшая Виноградная, на которой я родилась и прожила семнадцать лет, театр его имени, библиотека, дом творчества писателей, отделение санатория, школа (теперь, как и при Чехове, гимназия), в которой он, как и в Мухалатке, был членом попечительского совета... Мимо «Антон-Палыча», что сидит в Приморском парке закинув ногу на ногу и смотрит на море, мы бегали каждый день на пляж, около него назначали свидания и – кто знает! – от скольких ошибок уберегло нас его сочувственное присутствие. Как Крым стал предчувствием в судьбе и творчестве Чехова, так он, «наш Антон Павлович», по слову К.С. Станиславского «лучший из людей», стал предчувствием и осуществлением наших

судеб. Мы понимали, что нелюбовь Чехова к Ялте, к ее слишком ярким, нескромным, «олеографическим» красотам вызвана болезнью писателя, его вынужденным пребыванием на Южном берегу Крыма. Тем не менее многие из нас буквально восприняли плач трех чеховских сестер: «В Москву! В Москву!». Мы стремились учиться в городе, любимом Чеховым, хотели стать, как и он, московскими студентами. После окончания московских вузов моя одноклассница Лариса Лысова стала сотрудницей Домика Чехова, а Лена Захарова (Киселева) из параллельного класса – заведующей библиотекой и режиссером. По человеческим и докторским заветам Чехова живут и работают замечательные ялтинские и московские врачи – Наташа Шутова (Лебедева), Марина Назаренко, Дима Зиненко, Юра Белоненко... И моя писательская судьба – вся, целиком – от него, вслед за ним и только благодаря ему, Антону Павловичу Чехову, лучшему из людей».

Лопатин Вячеслав Сергеевич,
заслуженный деятель искусств РФ,
писатель-историк, доктор исторических наук

Г.А. ПОТЁМКИН И КРЫМ

Недавно в Симферополе восстановлен памятник Екатерине Второй, получившей, как и Петр, прозвание Великой. В столице Крыма встала точная копия памятника, открытого в 1890 году. У подножья спереди – бронзовые фигуры князя Долгорукова-Крымского и князя Потёмкина-Таврического. По бокам – бюсты Суворова и дипломата Булгакова, внесших большой вклад в присоединение Крымского ханства к России. Барельеф сзади изображает крымских мурз, приносящих присягу на верность российской императрице. Все любящие и знающие историю люди связывают новое открытие памятника (снесенного в 1921 году) с восстановлением исторической справедливости!

Однако есть другая точка зрения. Некий кандидат философских наук и член Ассоциации украинских писателей Сергей Грабовский с этим не согласен. Его заметка называется «У истоков геноцида: «золотой век» Екатерины II».

С места в карьер «философ» берет разоблачительный тон: «Хронологически первые акты имперского геноцида крымскотатарского народа совпадают с «золотым веком» Екатерины II... Российская империя вовсе не «освободила» Крым от рабовладения – наоборот, она ввела на полуострове порядки деспотического рабовладельческого государства».

Полемизировать с невеждами, глумящимися над историей России, занятие не из приятных, но отвечать надо, чтобы уберечь от греха доверчивых читателей и пользователей Интернета.

О «золотом веке Екатерины» писали задолго до «современной «российской пропаганды». Крымский вопрос давно являлся важнейшим фактором политики русского государства. «Войны и дела россиян с татарами» описаны в многочисленных источниках подробно и верно, начиная с нашествия монголо-татар в 13-м веке и кончая самым последним набегом крымско-ногайской конницы на Россию в 18-м веке.

Улусом (частью) Золотой Орды Крым стал в 13-м веке. Через два с лишним столетия образовалось самостоятельное Крымское ханство во

главе с династией Гиреев из рода чингизидов. И сразу же превратилось в вассала Турции, высадившей войска на южном берегу Крыма и разгромившей генуэзские колонии.

За следующие полтора столетия в Крыму сменились 53 хана. Это свидетельствует о полном подчинении ханства Турции. Величайшая империя в мировой истории создавалась путем разгрома и захвата других государств, в том числе великой христианской Византии. По повелению султанов крымская конница совершала набеги на Москву или на Краков, в зависимости от того, какое из этих христианских государств виделось в Стамбуле более опасным.

Не случайно к югу от Москвы, главным образом по Оке, протянулась на тысячи верст засечная черта, сравнимая разве что с великой Китайской стеной. Мобильная крымско-ногайская конница порой прорывала засечную черту. Самый страшный набег пришелся на 1571 год. Москва была сожжена. Уцелел только Кремль. Погибли тысячи и тысячи жителей. Десятки тысяч были угнаны в Крым, проданы в рабство и рассеялись в необъятной Османской империи. На следующий год хан Девлет-Гирей повторил набег, обещая покончить с Московским государством. Захватчики были разгромлены в битве при Молодах, по праву стоящей в одном ряду с Ледовым побоищем, Куликовской битвой, Бородинским сражением, битвами Великой Отечественной войны.

За два с половиной века набегов Московская Русь и Польша (в меньшей степени) лишились трех миллионов своих жителей.

В 1776 году Александр Александрович Безбородко (уроженец Малороссии, будущий канцлер) подал записку Екатерине, отметив, что после вековых войн с татарами «остался Крым., от которого Россия уже с двести тому лет как страждет и разные разорения претерпевает, особливо Малороссия».

Три столетия Россия вела оборонительные войны. Когда окрепла, начала отвоевывать захваченные соседями старинные земли, входившие ранее в Киевскую Русь. Фальсификаторы истории считают, что в отличие от других европейских государств Россия не имеет права на обеспечение безопасности своих жителей и своих границ. «Русские войска с 1771 по 1782 год «врывались в Крым», – заявляет доморощенный «философ-фальсификатор».

На самом деле шла война, объявленная Турцией России в 1768 году. И первым крупным боевым эпизодом стал набег хана Керим-Гирея

на Елисаветград и Бахмут. Этот последний в истории набег был отбит. После него остались сотни трупов мирных жителей, сожженные избы, мельницы, хозяйственные постройки. Вместе со скотом были угнаны две тысячи мужчин, женщин и детей для продажи в рабство. Понесли потери и налетчики. В 1770 году граф Петр Александрович Румянцев разгромил турецко-татарские войска. Наступил черед Крыма. В 1771 году князь Василий Михайлович Долгоруков взял Перекоп и очистил полуостров от османов.

Мир в Кючук-Кайнарджи был заключен только в 1774 году, потому что против России выступала Франция, наш главный противник в тогдашней Европе. Подстрекнув Турцию к войне, она явно не ожидала разгрома своей союзницы на суше и на море. Вольтер, властитель дум просвещенных европейцев, открыто заявлял, что мечтает увидеть Екатерину хозяйкой в Константинополе.

После столь сокрушительных побед над противником, начавшим войну, ни одна из европейских стран не оставила бы Крыма, постоянного источника столкновений с Османской Портой. России пришлось пойти на уступку. Согласно мирному договору Крымские ханство было объявлено независимым. Русские войска то покидали полуостров, то снова в него входили. Турецкий флот то высаживал в Крыму десанты, то блокировал полуостров, грозя новыми десантами. Стамбулу удалось провести в ханы своего сторонника. Россия провела своего. Турция ответила на Кубани и в самом Крыму мятежами, которые подогревались религиозными фанатиками. В смуте гибли крымцы и с той, и с другой стороны. Фанатики не принимали даже робких реформ хана Шагин-Гирея, распускали слухи, что хан крестился и наречен при крещении Иваном Павловичем. Из уст в уста передавались «доказательства» прегрешений Шагин-Гирея: спит на кровати, сидит на стуле. В 1782 году хан бежал под защиту русских войск и обратился к императрице Екатерине за помощью. Вместе с русскими войсками законный правитель вернулся в Крым. Все кончилось без кровопролития, но Россия оказалась на грани войны с Турцией. Ближайший сподвижник императрицы Г.А. Потёмкин, ее фактический соправитель, предложил покончить с вековой враждой России и Крыма.

«Крым положением своим разрывает наши границы, – писал он в конце 1782 года Екатерине. – Нужна ли осторожность с турками по Бугу или с стороны кубанской – в обеих сих случаях и Крым на руках. Тут ясно видно, для чего Хан нынешний туркам неприятен: для того,

что он не допустит их чрез Крым входить к нам, так сказать в сердце».

Момент был выбран Потёмкиным как нельзя удачнее. Присоединение Крымского ханства совпало по времени с очередной большой войной европейских держав. Британские колонии в Северной Америке восстали против метрополии. Их поддержали Франция, Испания и Голландия. Война длилась восемь лет, пока Англия не пошла на мир, признав новое государство – Северо-Американские Соединенные Штаты. Это случилось в 1783 году.

В том же году в Крыму произошли важные события. Восстановленный на престоле Шагин-Гирей не удержался от мести. Начались казни. Потёмкин от имени императрицы сделал хану выговор за нарушение обещания простить сдавшихся мятежников. Находящимся в Крыму русским войскам было приказано брать под защиту приходящих к ним беженцев. Стала искать защиты и уставшая от смут крымская знать.

Казни запугали население, но любви к хану не прибавили. Оказавшись в полной изоляции, хан 17 апреля 1783 года отрекся от власти. 10 июля в Крыму на горе Ак-Кая под Карасу-Базаром Потёмкин лично принял присягу крымской знати и духовенства.

«Таврический Херсон – источник нашего христианства, а потому и людскости, уже в объятиях своей дщери. Тут есть что-то мистическое, – писал Потёмкин Екатерине. – Род татарский – тиран России некогда, а в недавних временах стократный разоритель, коего силу подсек царь Иван Васильевич. Вы истребили корень. Граница теперешняя обещает покой России, зависть Европе и страх Порте Оттоманской».

Крым, в котором в 10-м веке князь Владимир и его дружина приняли православную веру, был присоединен без войны и новых жертв. Турция вскоре признала акт присоединения.

После обеспечения безопасности южных границ в кратчайшие сроки была осуществлена грандиозная программа заселения и хозяйственного освоения обширных и почти безлюдных (из-за постоянных набегов) Причерноморских и Приазовских земель. Вставали новые города и села, прокладывались дороги, заводились фабрики. Росла торговля со странами Средиземноморья и с самой Турцией. Поднял паруса Черноморский военный и торговый флот.

Ответом Европы на созидательный подвиг России стала новая война, развязанная Турцией в 1787 году после знаменитого путешествия Екатерины на Юг. Цель войны – возвращение Крыма. На этот раз за спиной Турции стояли Англия и Пруссия. Блистательные победы на

суше и на море завершились не менее блистательной дипломатической победой над англо-прусской коалицией. По новому Ясскому миру 1791 года граница Российской империи продвинулась до Днестра. Турция подтвердила все ранее заключенные договоры, в том числе и о принадлежности Крыма России.

Фальсификаторы ничего этого знать не желают и утверждают, что российское правительство в течение первых десяти лет после аннексии Крыма якобы отобрало у крымских татар и раздало российским аристократам 350 тысяч десятин лучшей крымской земли. «Быстро исчезли леса, стоявшие на месте современного Севастополя». «Погибло большинство крымских садов», а «на освобожденных местах вновьявленные помещики стали культивировать несвойственные полуострову культуры, а в придачу применили привычные методы обращения с крестьянами, а именно внедрили барщину и десятину», – пишет «философ» Грабовский.

В классической, документированной работе (1959 года) замечательного историка Елены Иосафовны Дружининой «Северное Причерноморье в 1775-1800 годах» приводятся важные сведения. В 1775 году там жило 162 920 человек, в 1787 – уже 725 тысяч. Селились отставные солдаты, старообрядцы и даже беглые крепостные крестьяне, которых Потёмкин приказал не выдавать прежним хозяевам.

Приглашались колонисты из Европы. Богатых владельцев приглашали переводить на новые земли крепостных. Но крепостное право в Причерноморье было ограничено. В Крыму его вовсе не было.

Переселенцы главным образом оседали в степях к северу от полуострова. В самом Крыму новых жителей в первые десятилетия было не более 10 тысяч человек. Представители российского правящего класса действительно получали земли в Крыму. Вот один из документов. Потёмкин пишет 15 января 1785 года правителю Таврической области Василию Васильевичу Каховскому об отмежевании дач трем высокопоставленным дамам (в том числе президенту двух академий княгине Екатерине Романовне Дашковой) «из состоящих в Таврической области праздных и никому не принадлежащих земель». Иными словами, раздавались порожние земли. Самих дач было немного. Из них со временем выросли образцовые имения, которые и ныне украшают Крым.

Утверждения фальсификаторов о том, что за присоединением последовало «притеснение крымских татар, разрушение их домов, мечетей и кладбищ, сожжение книг и уничтожение других памятников культуры», являются вымыслом.

Памятники культуры не уничтожались. Потёмкин бережно относился и к памятникам архитектуры, к «остаткам древности». Он первым остановил расхищение случайно находимых золотых вещей, «которые, уповательно, татарами, в прежние времена тамо обитающими... были употреблены». Речь идет о «скифском золоте», ныне украшающим мировые музеи, в том числе Эрмитаж.

Книги не сжигались. Да и книг в Крыму было немного. Мусульманское духовенство очень высоко оценило присланные из Петербурга экземпляры Корана, напечатанного в 1787 году по указу Екатерины. Россия стала третьей страной (после Венеции и Германии), доверившей священную книгу мусульман печатному станку. Издание было признано образцовым, превосходящим европейские варианты. В разгар войны с Турцией (1790 год) был напечатан русский перевод Корана.

Экономика ханства была крайне отсталой и слабой. Значительную роль играли (особенно в торговле) жившие на побережье христиане – греки и армяне. В 1778 году по инициативе Потёмкина было осуществлено их переселение в Приазовье. Операцию обеспечивал транспортом, деньгами, продовольствием командовавший Крымским корпусом А.В. Суворов. Руководили переселением духовные пастыри – греческий митрополит Готфийский и Кефийский Игнатий, армянский архимандрит Петр Маргос (Петрос Маркисян), католический пастор Яков (Акоп). Всего вышло из Крыма чуть больше 31 тысячи человек обоих полов греков и армян.

Помимо экономического давления на крымскую власть, была еще одна очень важная причина переселения христиан. У берегов Крыма находилась эскадра турецких кораблей с войсками. В случае десанта и смуты христиан просто могли вырезать. Об этом проговорился сам Шагин-Гирей, протестовавший против вывода из Крыма греков и армян. Несмотря на трудности устройства на новых местах, переселенцы при поддержке Суворова и Потёмкина получили большие льготы. Специальными грамотами императрицы Екатерины греки и армяне освобождались от поставки рекрутов, от уплаты государственных повинностей и податей сроком на 10 лет, получали право свободно торговать, основывать фабрики, заниматься промыслами. Новые колонии (Мариупольская греческая и армянская Нахичевань в низовьях Дона) быстро добились процветания. В самой Тавриде остались греки-выходцы из Архипелага, связавшие свою судьбу с Россией во время пребывания там российского флота в 1770–1774 гг. Сначала они жили в

отошедших по мирному договору к России крепостях Керчь и Еникаль, затем в Балаклаве.

Фальсификаторы кликушествуют о «начале геноцида крымскотатарского народа» после присоединения Крыма к России. Напомним, что «геноцид – действие, направленное на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы».

Ничего этого в Крыму не было. В Бенгалии (на Индийском полуострове), захваченной англичанами, от голода умерли миллионы людей. Ничего этого в Крыму не было. Да и сам Крым в далеком 18-м веке разительно отличался от того Крыма, каким он стал под скипетром российских императоров. Крым долго считали «гиблым местом», откуда часто приходили эпидемии. Местные жители, как и русские (в том числе Суворов и сам Потёмкин), страдали от «морových поветрий» (так называли массовые болезни).

Потёмкин сразу же системой карантинных и учреждений госпиталей поднял санитарное состояние края на более высокий уровень. Благоустроивались и чистились маленькие крымские города. Строились новые дороги. Выделялись средства на поддержание в порядке мечетей. Заводились фонтаны – общественные источники воды. Закладывались, строились и обживались новые города. Все это требовало огромных средств. И средства в Крым вкладывались. Развивалась торговля. Были отменены внутренние пошлины и снижены таможенные.

Лесов, пригодных для строительства и корабельного дела, в Крыму практически не было. Лес сплавлялся по Днепру в Херсон. Оттуда его везли в Крым. В донесении Потёмкина императрице от 1786 года читаем: «По данному повелению правителю области Таврической о збережении и разведении тамо лесов прилагается всеместное тому старание. Каждому жителю внушается проистекающая из сего польза и каждый обязан весною и осенью посадить известное число деревьев». По преданию, первые кипарисы в Крыму посадил своими руками Потёмкин.

Особое внимание уделялось развитию хлебопашества. «Что касается до области Таврической, там хлебопашество год от году усиливает-

ся, виноград венгерский дал уже первоплод, вино делают лутче прежнего», – доносил Потёмкин императрице в 1786 году.

Помимо полуострова, в Крымское ханство входили обширные земли на материке. До присоединения к России в ханстве собиралось в год в среднем 200 000 четвертей зерновых всех видов. Это немного. Через два десятилетия Северное Причерноморье стало житницей России. Хлеб пошел в Европу и Турцию. Торговля зерном способствовала росту и процветанию приморских городов, среди которых первое место заняла соседка Крыма Одесса.

Многочисленные письма, донесения, приказы Потёмкина свидетельствуют о внимательном отношении к местному населению. Новые подданные России получили не только права, но и привилегии. На крымских татар не распространялся рекрутский набор. Крымская знать была принята в состав российского дворянства. Мусульманское духовенство в 1788 году получило статус духовного сословия. В органы управления Таврической областью (центральные, уездные) входили татары. Сохранялась на первых порах старая судебная система.

Опасаясь войны с Турцией и высадки десантов в Крым, Потёмкин приказал отобрать у населения оружие. Одновременно с этим он сформировал шесть «Таврических национальных дивизионов». Это прекрасно экипированное конное войско, составленное из вчерашних противников, сопровождало Екатерину и ее многочисленных спутников в 1787 году на подъезде к Бахчисараю. Оно вызвало восхищение сопровождавших российскую императрицу императора Иосифа и европейских послов. Во время войны с Турцией татарские дивизионы были переброшены в Белоруссию, где ожидалось наступление поляков. Мера отвечала обстановке.

Впоследствии крымские конники доблестно служили в российской армии, отличились во многих делах. Одна подробность красноречиво говорит об особом внимании по отношению к воинам-мусульманам. На их боевых наградах (крестах) христианские символы заменялись двуглавым орлом – гербом России. Впервые такие изменения были сделаны еще в 1783 году при награждении последнего хана Крыма орденом Св. Андрея Первозванного (высшим орденом империи). Кстати, Шагин-Гирей получил огромную пенсию (200 000 рублей в год), жил со свитой и своим гаремом сначала в Воронеже, потом в Калуге. В 1787 году он отпросился в Турцию, был встречен с показным почетом, затем сослан на остров Родос и вероломно убит.

Следует особо остановиться на вопросе об эмиграции крымских татар после присоединения ханства к России. В литературе приводятся сильно отличающиеся данные. Работавший в России ученый-энциклопедист Паллас писал: «В Крыму прежде считали более полумиллиона жителей». Эти сведения послужили основой для последующих оценок. Некоторые современные исследователи утверждают, что в 1783–1784 годах 8000 крымских татар покинули полуостров, а в 1785–1788 годах к ним прибавились еще 100000. Если принять это на веру, то уже к началу 19-го века в Крыму оставалось совсем немного крымских татар.

В российских архивах хранятся сведения о регулярных (раз в две недели) донесениях генерал-губернаторов императрице Екатерине. К одному из таких донесений (конец 1783 – начало 1784 года) Потёмкин приложил подробные ведомости «о доходах Крымского полуострова, как оные получаемы были при последнем Хане», и о численности тамошнего населения. Перечислены все каймаканства (уезды) с указанием количества деревень в каждом каймаканстве. Всего деревень – 1411. В них жителей мужского пола 42273 человека.

Перечислены города, в которых жили 8217 человек, да «поселившиеся в домах после христиан оставленных» – 3126 человек, да жидов – до 1407. Итого 55 023 души мужского пола. Приведен перечень домов в городах с указанием их принадлежности: татарских 3262, христианских 1397, жидовских 407, да в Кефе 514. «Сверх того христианских домов числится в уездах около 2400, из них некоторые Хан продает и раздает татарам, некоторые же разорены» (Российский государственный военно-исторический архив. Фонд 52 (Г.А. Потёмкин), опись 1/194, дело 72. Ролик 1. Листы 28–32).

Допустим, что в деревнях поголовно жили крымские татары. Прибавим 8000 городских жителей (в соответствии с долей владельцев домов). Получим чуть более 50000 лиц мужского пола. Прибавим женщин. Получим 100000. Прибавим 100000 малолетних детей. Получаем, что на полуострове в конце 1783 – начале 1784 года жило не более 200000 человек крымских татар. Не случайно Потёмкин часто жаловался на «малоллюдность» крымского населения.

Часть крымских мусульман не пожелала принять подданство православной Империи. Для них турецкий султан оставался халифом – духовным главой. Но основная часть крымскотатарского населения осталась. С 1783 по 1854 год в Крыму, не в пример прошлым столетиям, не велись военные действия. Фактор важнейший для роста числен-

ности населения! Мирная жизнь была нарушена Англией и Францией, высадившими десанты на полуостров. Героическая оборона Севастополя сорвала их планы оторвать от России Крым. Ответственность за новую волну эмиграции падает на самозванных освободителей, которые в это самое время приступили к усиленному колониальному захвату по всему земному шару.

Архивные документы неопровержимо свидетельствуют об огромных усилиях, которые предпринимала российская власть для установления мира и согласия в Крыму. В основанных Потёмкиным и Екатериной городах сегодня живут и трудятся миллионы людей разных национальностей. Скоро в Севастополе появится памятник Светлейшему князю Григорию Александровичу Потёмкину-Таврическому. Лучшим памятником великому созидателю навсегда останется город-герой Севастополь и стоящий на его рейде Черноморский флот.

Финоченко Евгений Александрович,
сопредседатель Объединенного Суворовского Комитета,
руководитель МОО «Суворовский Центр»,
участник РОО «ОМОФОР – СУВОРОВСКИЙ ПРИЗЫВ»

А.В. СУВОРОВ В КРЫМУ

Первое назначение в Крым генерал-поручик А.В. Суворов получил 27 ноября 1776 года. Он был уже известным военачальником, отличившимся в боевых действиях в Пруссии, Польше, на Дунае. Его победа над турецкими войсками у Козлуджи заставила Турцию заключить Кучук-Кайнарджийский договор (1774) на выгодных для России условиях. К России отходили Азов, Керчь, Кинбури, Еникале и значительная территория северного побережья Черного моря. Русские торговые суда получили право свободного плавания по Черному морю и проходу через Босфор и Дарданеллы. Турецкое правительство вынуждено было признать независимость Крыма, находившегося под его протекторатом.

Но, несмотря на договор, борьба за Крым не только не прекратилась, а еще более обострилась. Шла сложная и острая дипломатическая игра. Россия и Турция стремились «мирным путем» подчинить своему влиянию признанное по договору самостоятельным Крымское ханство.

Генерал-поручик Суворов, командовавший 25-тысячным корпусом, должен был в междоусобной борьбе двух ханов поддерживать сторонника России Шагин-Гирея и, не развязывая новой войны, выдворить с Крымского полуострова турецкие войска, пришедшие на помощь ставленнику Турции хану Девлет-Гирею.

В автобиографии А.В. Суворов с предельной лаконичностью пишет о выполнении этого поручения: «...в 1776 году я был определен к полкам московской дивизии, в Крым, где около Карасу-Базара (ныне – Белогорска) собравшиеся противные Шагин-Гирей хану партии я рассеял одними движениями, и по прибытии его из Тамани, объявил его в сем достоинстве». Но в биографии упущены особенности проведения этой операции с характерным для полководца стремительным движением войск, созданием мелких конных разведывательных отрядов, быстро обнаруживших сосредоточение вооруженных сил Девлет-Ги-

рея у Карасу-Базара, маневром по их окружению. Стремительные и энергичные действия Суворова так дезорганизовали сторонников Девлет-Гирея, что они не смогли оказать сопротивление. Турецкие войска, сосредоточенные главным образом в районе Кафы (Феодосии), также не решились выступить против Суворова. Они погрузились на корабли и ушли от берегов Крыма.

Весной 1778 года генерал-поручика А.В. Суворова назначили командующим войсками Крыма и Кубани. Это его второе назначение в Крым.

Положение здесь было напряженное. Русский посол сообщал из Константинополя, что турки готовят большой флот для десантных операций на Крымском полуострове. В Ахтиарской бухте с декабря 1777 года стояли семь крупных турецких военных кораблей и множество мелких.

Задача Суворова состояла в том, чтобы не допустить высадки турецких войск и избежать при этом вооруженных столкновений, которые могли привести к нежелательной войне.

Кроме того, на него как на командующего войсками было возложено ведение переговоров с ханским правительством и турками по вопросам, касающимся Крымского полуострова. Это требовало не только военного, но и дипломатического искусства.

Объехав Крым и осмотрев побережье, полководец в кратчайший срок разработал план обороны. Весь полуостров он разделил на восемь боеучастков. Их начальники, имея постоянные гарнизоны, укрепленные посты и подвижной резерв, должны были обеспечивать спокойствие на своем участке. Ахтиарская бухта входила в тот участок, который начинался у Бахчисарая, включал в себя Инкерман, территорию древнего Херсонеса, Георгиевского монастыря, Балаклаву и заканчивался у Ялты. Здесь был расквартирован Ряжский пехотный полк.

Немного времени потребовалось Суворову, чтобы выдворить турецкий флот из прекрасной Ахтиарской бухты, военно-стратегическое значение которой и ее удобства для базирования флота он сразу же оценил.

7 июня вместе с ханом Шагин-Гиреем Суворов объехал бухту, а затем выбрал места для укреплений. В ночь с 15 на 16 июня шесть батальонов пехотного полка с конницей и артиллерией расположились по обе стороны бухты и стали возводить укрепления. Через три дня из своего лагеря на берегу реки Качи Суворов сообщил об этом ко-

мандующему армией фельдмаршалу П.А. Румянцеву: «Сего месяца на 15-е число по 3 батальона дружелюбно расположились с обеих сторон Инкерманской (Ахтиарской) гавани с приличною артиллериею и конницею и при резервах вступили в работу».

Суворов строил свои укрепления на противоположных мысах у входа в Севастопольскую бухту, там, где позднее были возведены большие казематированные батареи, одна из которых – Константиновская – сохранилась до настоящего времени.

Командующий турецкой флотилией Гаджи-Магмет-ага, обеспокоенный тем, что русские возводят укрепления, послал Суворову письмо, в котором спрашивал, что это означает. Отвечая на этот запрос, русский полководец писал: «К нарушению взаимного мира никаких намерений у нас нет, а напротив, все наше старание к одному устремлено, чтобы отвратить всякие на то неприязненные поползновения...».

Опасаясь оказаться запертыми в гавани, турецкие корабли вышли в море.

Работа по возведению укреплений продолжалась и после ухода из бухты турецких кораблей. Строительство их было сопряжено с большими трудностями из-за каменистого грунта, недостатка ломов и крепостных инструментов.

Суворов укреплял не только берега Ахтиарской бухты, но и все Крымское побережье. Он сам выбирал места для батарей и укреплений, указывал командирам частей, где, какие батареи строить, иногда чертил их планы и профили.

Вся система крымской обороны была запроектирована из 29 укреплений. По морскому побережью протянулась цепь постов и наблюдательных пунктов.

В своих действиях по обороне Крыма с моря А.В. Суворов опирался на Азовскую флотилию, часть кораблей которой базировалась в Балаклаве. Командующему флотилией было предписано постоянно курсировать вдоль крымских берегов. Между сухопутными наблюдательными пунктами и кораблями была установлена постоянная связь посредством специальной сигнализации. Были намечены места для стоянок кораблей Азовской флотилии. В дальнейшем на основе этой флотилии была создана Черноморская эскадра.

В конце августа 1778 года большой турецкий флот с десантными войсками появился у берегов Крыма. Корабли курсировали вдоль Южного берега, в поисках места для высадки десанта. Но принятые Су-

воровым меры по обороне побережья оказались настолько эффективными, что турки не рискнули высадиться, и флот вынужден был уйти обратно.

Подводя итог своей деятельности в Крыму, Суворов в автобиографии писал, что он «вытеснил турецкую флотилию из Ахтиарской гавани, великого адмирала Гассен-пашу и Али-бея анатолийского со всем оттоманским флотом и транспортными с войсками судами, коих всех по счету было больше ста семидесяти, от Крымских берегов обратил назад к Константинополю».

Позднее, будучи уже командующим войсками на юге России, Суворов уделял большое внимание строительству Севастополя, заботясь о том, чтобы сделать его сильнейшей крепостью.

При посещении Севастополя летом 1793 года он встречался с замечательным русским флотоводцем Ф.Ф. Ушаковым, командовавшим Черноморским флотом. Они вместе обсуждали планы и проекты крепостных сооружений.

Биограф Суворова А. Петрушевский в своей книге «Генералиссимус князь Суворов» сообщает: «Сохранились подписанные им, Суворовым, планы: проект... севастопольских укреплений, часть их строилась при нем, и продвинулась вперед ощутительно, другая только начата, есть и оставшиеся в проекте за коротким временем и недостатком денег. Из севастопольских укреплений начаты четыре форта, в том числе два казематированных».

Великий русский полководец проявлял большую заботу об укреплении южных границ России и Черноморского побережья. Под его руководством возводились оборонительные сооружения в Очакове, Херсоне, Николаеве. На Суворова было возложено «главное наблюдение» за строительством нового порта и города Одессы.

Литература

- П. Надинский. Суворов в Крыму. Крымиздат, 1947.
А. Маленко. Суворов и Крым. Симферополь, 2010.
С. Григорьев. А.В. Суворов и Крымское ханство (1771–1779). Санкт-Петербург, 2015.
Е. Финоченко. Суворов в Крыму. Сборник материалов и иллюстраций. Москва, 2016, тир. 46 экз.

Туркова Ирина Владимировна,
кандидат психологических наук, врач

В. А. ПЕРОВСКИЙ И КРЫМ. ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ

*...Из каменных гробов их голос вечно слышен,
Им внуков поучать навеки суждено,
Их слава так чиста, их жребий так возвышен...*

А. А. Фет

В рамках растущего культурного диалога с Крымом и крымчанами представляется особенно важной культура исторической памяти. Это – память о событиях и людях, которые вписали свое имя в историю. Среди них – Василий Алексеевич Перовский. Отдавший все силы служению Отечеству, горячо любимому Оренбургскому краю, которым управлял как губернатор пятнадцать лет, он нашел свой последний приют на Крымской земле.

Захоронение Перовского в Балаклаве на территории Свято-Георгиевского монастыря (Крестовоздвиженская церковь) не сохранилось. Время и войны не пощадили монастырь: храмы, монастырский некрополь практически полностью были разрушены. Только в 1991 г. монастырь возвратили верующим, в 2000–2004 гг. восстановили храм Святого Георгия. Терпеливо ждет своего возрождения и храм во имя Воздвиженья Честного Креста. Не теряя этой надежды, а значит, и восстановления памяти Василия Алексеевича Перовского, когда в притворе храма появится мемориальная доска с надписью – «На сем месте погребен Василий Алексеевич Перовский. Род. 9 февраля 1795 г., ск. 8 декабря 1857 г.» – напомним важные вехи его биографии и остановимся на последних месяцах жизни в Крыму.

Один из внебрачных детей (воспитанников) графа А. К. Разумовского, Василий Алексеевич Перовский родился 9 февраля 1795 г. в селе Почеп Черниговской губернии, воспитывался в Москве. Окончив Московский университет (историко-филологический факультет) со степенью кандидата, Василий Перовский поступил в Муравьевскую школу колонновожатых и был выпущен прапорщиком (1811). В 1812 г. он назначен квартирмейстерским офицером при казачьих полках в арьер-

гарде 2-й Багратионовской армии. Во время Бородинского сражения был ранен, вражеской пулей ему оторвало указательный палец на левой руке. По данным А.А. Васильчикова, автора 5-томного издания «Семейство Разумовских» (1880–1894), Перовский «отличился во время Отечественной войны под Лядами, Красным, Смоленском, Заболотью, Дорогобужем и Бородиным. Во время занятия Москвы захвачен был в плен французами и в плену оставался до взятия Парижа. В 1816 г. переведен в лейб-гвардии Егерский полк и назначен адъютантом к генерал-адъютанту (впоследствии графу) П.В. Голенищеву-Кутузову. В 1818 г. переведен в Измайловский полк с назначением в адъютанты к великому князю Николаю Павловичу. В 1825 г. назначен флигель-адъютантом, а в 1828 г. – свиты генерал-майором. Он отличился во время турецкой кампании, исправляя должность начальника штаба при отряде войск, облежавших Варну. Пожалован был в 1829 г. в генерал-адъютанты, а в 1833 г. – генерал-лейтенантом и исправляющим должность Оренбургского военного губернатора и командира отдельным Оренбургским корпусом. В 1839 г. он предпринял Хивинский поход, оказавшийся несчастным, несмотря на всю энергию Перовского. Государь вознаграждал труды полководца орденом Св. Александра Невского. В 1842 г. Перовский по болезни уволен был от занимаемых должностей, с оставлением в звании генерал-адъютанта. В 1843 г. произведен он был в генералы от кавалерии, а в 1846 г. назначен членом Государственного совета, получил Владимира I-й степени и временно управлял Морским министерством. В 1851 г. он назначен был Оренбургским и Самарским генерал-губернатором и командиром Оренбургского корпуса. В 1852 г. получил знаки Св. Андрея, а в 1853 г. взял приступом кокандскую крепость Ак-Мечеть, наименованную, по Высочайшему повелению, фортом Перовским. 17 апреля 1855 г. возведен он был в графское, Российской империи, достоинство, а в 1856 г. получил алмазные знаки Св. Андрея. В 1857 г. уволен по болезни от должности Оренбургского и Самарского генерал-губернатора, и получил Государя портрет, украшенный бриллиантами. В том же году он скончался» [1]. Кончина Перовского последовала от последствий тяжелого ранения, полученного еще под Варной.

Василий Алексеевич Перовский – высокий, стройный, с кудрями, обрамляющими мужественное лицо, с пышными усами – запечатлен на многих портретах, его любили писать художники. Один из портретов создавался уже после его кончины придворным художни-

ком Е.И. Ботманом (1875). На парадном портрете генерал-адъютант Перовский изображен в мундире темно-зеленого цвета с наградами, которые отражают его особые заслуги перед Отечеством. Лево́й рукой он придерживает украшенную бриллиантами шашку с надписью: «За храбрость», правой – беретса за черную барашковую шапку с золотым орлом и красным шлыком. На шее – крест ордена Белого Орла, на груди – осыпанный бриллиантами портрет (на Андреевской ленте) императора. Ниже изображена колодка с крестом ордена Св. Георгия IV кл. и двумя серебряными медалями: «В память Отечественной войны 1812 года» и «За взятие Парижа». Под медалями – пряжка «XXX лет беспорочной службы», а под изображением звезд – орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Владимира – рыцарский орден.

Интересно, что эти знаки Мальтийского ордена, старейшего в мире рыцарского ордена, потеряли свое наградное значение в Российской империи еще в начале правления Александра I. Исторически восьмиконечный белый крест, используемый духовно-рыцарским орденом госпитальеров-иоаннитов (начало XII в., Палестина) имел свою символику. Восемь углов символизировали восемь рыцарских заветов (вера, милосердие, правда, справедливость, безгрешие, смирение, искренность, терпимость), а четыре конца (направления) – главные христианские добродетели (благоразумие, справедливость, сила духа, воздержание).

Сравнение с рыцарем в воспоминаниях современников о Василии Алексеевиче Перовском встречается не один раз. К примеру, И.Н. Захарьин (Якунин) так писал о Перовском: «...Едва только вы начинаете приближаться к этой величавой и монументальной фигуре и вглядываться в нее, как на вас веет от ней чисто героическим эпосом и, в то же время, такую мягкостью и душевной чистотой, таким идеальным “кодексом жизни”, что вы не сомневаетесь ни минуты, что перед вами личность необыкновенная, исключительная – рыцаря в лучшем и в полном значении этого слова, с умом обширным, с сердцем благородным и любящим, чуждый страха, противоречий, лести и честолюбия» [2].

С такими, рыцарски благородными свойствами души и героическими устремлениями, мог ли Василий Алексеевич Перовский находиться при дворе? Даже несмотря на близость к семье великого князя Николая Павловича, к нему самому и впоследствии, когда великий князь стал императором, Перовский лучшие годы своей службы провел вне суеты и столичного блеска, на окраине России, составив себе

имя как выдающегося государственного и военного деятеля. Судьба Перовского была тесно связана с Оренбургским краем.

Оренбург, основанный в XVIII в. как город-крепость, стоял на страже русско-азиатской границы. Это был важный центр дипломатического, торгового общения России со среднеазиатскими ханствами, и всеми вопросами занималась канцелярия Оренбургского военного губернатора, а также специальная Оренбургская пограничная комиссия. Приступая в 1833 г. к исполнению обязанностей Оренбургского военного губернатора и командира Оренбургского отдельного корпуса (в подчинении также находились казачьи войска – Оренбургское, Уральское, Башкиро-Мещеряцкое), Перовский имел, как известно, обширную программу «основных начал» внешней и внутренней политики.

В 1830-е гг. возрастающую настороженность у русского правительства вызывали действия Англии, утвердившейся в Вест-Индии и имевшей явное намерение завязать отношения с правителями Бухары и враждебной нам Хивы. Хивинцы подрывали торговлю с Бухарой, нападая на купеческие караваны, а киргизов, кочевавших на соседней с Хивой территории, заставляли платить подати своему хану и всячески подстрекали к похищению русских людей для продажи на невольничьем рынке. В среднеазиатских ханствах находились сотни русских подданных на положении рабов и без всякой надежды вернуться на родину.

Последовательно осуществляя начала внешней политики, Перовский распорядился строить цепь укреплений для защиты русских пределов от нападений киргизов. Так, в 1834 г. на восточном побережье Каспия был возведен форт Ново-Александровский, а через год устроена новая Оренбургская пограничная линия (от Орска на 500 верст до станицы Березниковской) и основные опорные укрепления на этой линии. Вглубь киргизских степей было предпринято несколько успешных военных экспедиций (1836). Однако набеги киргизов не прекратились, Хива удерживала у себя почти 2 тыс. русских пленников. Правительство вынуждено было перейти к решительным действиям. 12 марта 1839 г. особая комиссия (вице-канцлер граф К.В. Нессельроде, военный министр А.И. Чернышев, военный губернатор В.А. Перовский) постановила начать военный поход, но истинную его цель держать в тайне. Поход начался поздней осенью, в ноябре 1839 г. Общее число участников похода составило более 5 тыс. человек. Но наступление чрезвычайно суровой и снежной зимы вызвало массовую гибель верблюдов, вой-

ско понесло страшные потери от холода и болезней. 1 февраля 1840 г. последовал приказ Перовского, отряд войск Хивинской экспедиции возвращался с полпути. В продолжение похода умерло 1054 человека (всех чинов), оказались в госпитале 609 человек, больных цингой.

Из письма Перовского от 4 февраля 1840 г. (из Акбулака, 650 верст за Оренбургом) к другу, московскому почт-директору А.Я. Булгакову: «...Нам приходилось разгрести снег и выкапывать из-под него дрянные коренья, чтобы только было на чем сварить похлебку солдатам, а уж не то, чтобы погреться у огня. Между тем вчера, 3 февраля, термометр показывал 30° холода, сегодня 28°, третьего дня 26°, да еще со страшным ветром, который распахивая наши несчастные войлочные палатки, не умолкал полторы сутки. От этой необычайной стужи и от бескормицы погибли наши верблюды. Вы можете себе также представить, чего натерпелись люди и есть ли какая возможность помочь больным...» [3].

14 апреля 1840 г. Перовский возвратился из похода, разбитый нравственно и физически. Всю вину за неудачу Перовский принял на себя, о чем лично доложил императору и просил об отставке, а также об отпуске за границу для лечения. Николай I не согласился с тем, «чтобы люди, отлично служившие и столько вытерпевшие <...> были жертвами обстоятельств, ни от кого не зависевших»; он распорядился сделать представление к наградам.

При Перовском чиновником особых поручений служил В.И. Даль (1801–1872). В статье «Военное предприятие противу Хивы» он так изложил результаты похода: «...Неудача эта могла поставить дело наше еще в худшее противу прежнего положение, могла укрепить в хане мысль о бессилии русских, или, по крайней мере, о силе мусульманского святого, хранящего Хиву; но обстоятельства устроились иначе, и более в нашу пользу. Самая удача предприятия могла поставить нас впоследствии в некоторое затруднение, что делать с Хивою завоеванной? Как быть, если хан бежит заблаговременно, а впоследствии найдет довольно приверженцев, чтобы снова утвердиться на престоле? Напротив того, нынешнее окончание дела нельзя не признать, по крайней мере, до времени, вполне удовлетворительным» [4].

Действительно, начавшиеся приготовления для второго похода и опасения хивинцев способствовали тому, что в июле 1840 г. хивинский хан Аллакули по требованию правительства России вернул всех невольников. Он также обнаружил специальный фирман (указ), «кото-

рым строго воспрещалось всем подвластным ему племенам под опасением казни проводить на границах Империи хищничества и грабежи и держать в неволе российских подданных».

Стоит заметить, что после этого похода вновь оживились обвинения Перовского в жестокости. Не идеализируя, скажем, что такие случаи были. К примеру, подавление волнений (1835) государственных крестьян, башкир, тептярей и мишарей Пермской и Оренбургской губерний, где массовым явлением стали злоупотребления кантонных начальников, взяточничество (что послужило главной причиной восстания). Относительно военного похода 1839–1840 гг. сохранилось описание Перовского тех немалых трудностей, с которыми он столкнулся и когда он был вынужден принимать жесточайшие решения. Вот, в частности, строки его письма своему адъютанту Н.В. Балкашину: «...Что часто приводит меня в затруднение, и в немалое, это то, что все наши господа вывезли с собою свои оренбургские страстишки и личности; прошу при таком ограниченном числе офицеров управляться так, чтобы такой-то не сходилась с таким-то, не был бы от него в зависимости и проч., и проч. <...> На днях киргизы отряда вздумали было пошालить, отказались идти вперед, объявив решительно, что предпочитают умереть все здесь, на месте, чем по эдакому морозу нести головы в Хиву; словесные убеждения остались тщетны, и только после второго расстрелянного человека и когда прочие ожидали той же участи, начали они просить пощады и обещались во всем повиноваться» [5].

В мае 1842 г. Перовский был уволен в отпуск за границу «для поправления здоровья с сохранением получаемого содержания». Он выехал в Европу в сопровождении Я.В. Ханыкова, состоящего при Перовском в качестве чиновника по особым поручениям. Правда, беспокоило Василия Алексеевича не столько собственное состояние, сколько слабое здоровье своего воспитанника 9-летнего Алеши (сына от замужней баронессы). И пройдут долгие девять лет, когда чрезвычайно тяготясь своим придворным положением, он – генерал-адъютант, член Государственного Совета и Адмиралтейства – начнет хлопотать о новом назначении в Оренбург. А там, как читаем в письме В.А. Перовского к Я.В. Ханыкову (от 14 июля 1844 г.), «творятся большие чудеса; по всемходящим до меня сведениям, все идет вверх дном».

29 мая 1851 г. Перовский, назначенный Оренбургским и Самарским генерал-губернатором, прибыл в Оренбург, где его с радостью приветствовали, вспоминал военный инженер-топограф И.Ф. Бларамберг

(1800–1878), поскольку «и раньше знали как щедрого и справедливого начальника». Однако в Перовском уже никак нельзя было узнать того «чудо-богатыря, который в первый свой приезд ломал подковы, гнул кочерги и ударами нагайкой сшибал с лошадей непокорных киргизов». Он очень страдал от астмы и мог спать только сидя. И все же, несмотря на расстроенное состояние здоровья, Перовский, по воспоминаниям окружающих, «работал много, даже очень много и сидел целый день как пригвожденный за своим письменным столом, потому что круг его деятельности был весьма обширен». Чуть ниже скажем о плодах деятельности губернатора, а прежде, о втором его походе.

В конце 1840-х гг. уже не Хива, а Коканд не давал покоя России: набеги, работорговля, угон скота. В 1850 г. кокандцы угнали у «оренбургских» казахов 46 тыс. голов скота, а в год второго прибытия Перовского в Оренбург – 75 тыс. голов скота.

Вторая военная экспедиция под руководством Перовского состоялась в мае 1853 г. Отряд Перовского насчитывал 2170 человек (при 12 орудиях). Из похода Перовский вновь писал А.Я. Булгакову: «...В 42 градуса жару на солнце пишу к вам, любезный друг, почти из тех же самых мест, откуда тринадцать лет назад, я к вам писал на 33 градусном морозе <...>. Целые сотни верст ничего не видать, кроме песку, сохшейся земли и солончаков <...>. С самого Оренбурга (640 верст) у нас еще не было ни одной дневки. Больных у меня нет ни одного (вы знаете, что в таких случаях сам начальник в счет не идет); лошади все целы <...>. Словом, все обстоит наилучшим образом. Даже и я стал крепче здоровьем и начинаю верить в возможность когда-нибудь с вами свидеться, что мне казалось маловероятным, когда я уезжал из Петербурга. Все вышесказанное относится, по-видимому, к внешней обстановке (не правда ли?), а что касается до состояния нравственного, то прибавлять нечего: вы понимаете, что выносить то, что мы выносим, без вреда здоровью, можно лишь в том случае, когда опираешься на силу внутреннюю, какую обладает только Русский человек. В бедственное время моего зимнего похода в этом краю, солдаты, особенно Уральские казаки, днем и ночью пели песни, как будто и не подозревая, что ртуть замерзала в градуснике; это до некоторой степени объяснялось необходимостью согреться: всякое упражнение, даже и усердное пение, согревает. Но они поют и теперь с восхода до заката солнечного, и этого я уже никак не понимаю, потому что освежиться пением нельзя» [6].

Еще до развертывания военных действий к стенам крепости был послан парламентар (для передачи коменданту требований Перовско-

го). Но кокандцы потребовали прислать самого графа. Он выполнил это требование, однако был обстрелян и вернулся в лагерь. Вот как этот эпизод описал в письме (от 6 июля 1853 г.) к Н.В. Балкашину правитель походной канцелярии В.В. Григорьев: «...Вот уже пятый день стоим под Ак-Мечетью <...> Кокандцы между тем стреляют в лагерь наш, когда им вздумается; до сих пор стрельба никому еще не причинила вреда, потому что мы стоим в расстоянии 600 сажень от стен, но могла бы его причинить и, прежде всех, Василию Алексеевичу, который поставил палатку свою на совершенно открытом месте прямо под выстрелами: одно ядро упало у самой его кареты, в которой он спит. Но все это ничего в сравнении с тем, что сделал он тотчас по прибытии отряда своего на место <...>. Отправился он под самую крепость вести переговоры, его подпустили на расстояние сажен 100 от крепости, а там вдруг, к ужасу нашему, стали валить в подъехавших из пушек и ружей. Свита бросилась было обратно в галоп, но В.А. приказал ехать шагом и таким образом в продолжение четверти часа ехал под сильным, направленным в него огнем. Слава Богу, что оконтузило только лошадей, люди же все остались целы. <...> На третий день он ездил осматривать место под одну из батарей, куда хватают не только пушки, а даже крепостные ружья: через несколько минут оторвало тут ядром руку у одного работавшего солдата. Вы, которые знаете характер Василия Алексеевича, поймете, что удержать его от таких неосторожностей не может никакое соображение <...> «Вздор», – говорит В.А. и остается целых двое суток целью для пули...» [7].

Окруженная русскими войсками крепость Ак-Мечеть была взята 28 июля 1853 г. Потери составили 11 офицеров и 164 нижних чина убитыми и ранеными. На месте этой крепости Перовский основал новое укрепление (форт Перовский), которое завершило создание Сыр-Дарьинской укрепленной линии. По представлению Перовского был сформирован батальон тысячного состава для службы по Сыр-Дарьинской линии, заказаны два парохода для Сыр-Дарьи (первые из будущей Аральской флотилии) и произведены промеры Аральского моря, исследованы его берега и острова. Это не только военная, но и научная заслуга Перовского, каких наберется у него достаточно. Например, в области географии и картографии края – получившее высокое признание современников «Географическое обозрение Оренбургского края» Я.В. Ханыкова; в естественно-научной сфере – сохранение коллекции «Музеума естественных произведений» и труд Э.А. Эверсмана

«Естественная история Оренбургского края» (написано по предложению Перовского) и пр. Оренбург при Перовском стал настоящим центром практического и научного востоковедения. Под началом губернатора В.А. Перовского работали: В.И. Даль, А.А. Леман, И.В. Виткевич, Ф.К. Зан, Е.П. Ковалевский, Пл.А. Чихачев, Г.П. Гельмерсен, Э.К. Гофман, Г.С. Карелин, П.И. Демезон, братья Ханьковы, В.В. Григорьев, В.В. Вельяминов-Зернов и др.

Наш современник Ю.С. Семенов в созданной им на оренбургском материале книге «Дипломатический агент» (о первом посланнике России в Афганистане И. Виткевиче), писал: «Приехав в Оренбург, Перовский оказался в обществе людей, которых больше всего интересовал вопрос: где лучшая рыбалка, в Сакмаре или на Урале? Но Перовский приехал в Оренбург не для того, чтобы отбывать службу. Он приехал для того, чтоб приводить в исполнение свои замыслы – широкие, отважные, интересные, целиком соответствовавшие уму и сердцу их автора» [8]. Конечно, для осуществления этих замыслов нужны были люди. Но выходец из высших аристократических кругов, умный и высокообразованный деятель – Василий Алексеевич Перовский умел окружать себя достойными людьми.

Не забывал губернатор о городе и горожанах. В 1835 г. особой комиссии было поручено осмотреть в городе все дома и ветхие строения назначить к слову, причем неимущим предлагалась помощь и компенсация. Дороговизна дров и строевого леса решалась Перовским систематическим разведением лесов в степях. Город он постоянно благоустраивал: строительство городских общественных зданий, устройство водопровода, освещение и даже введение метеорологических наблюдений; при нем открывали приходские школы и училище, разводили сады. Желая озеленить город, Перовский распорядился «устроить и улучшить Зауральную рощу, а для единообразия привести в таковой же вид садики на берегу Урала». Прекрасный сад был разбит напротив его генерал-губернаторского дома на набережной Урала, на крутых террасах реки устроена оранжерея, где выращивались цветы и ранняя зелень. В 1853 г. в городе появилась библиотека, в создании которой принимал активное участие В.В. Григорьев (1816–1881), он состоял при Перовском чиновником по особым поручениям, впоследствии это выдающийся ученый-востоковед. Для закупки книг в Петербурге Перовский выделил сумму в 1 тыс. руб. серебром, и к тому времени, когда он покинет Оренбург (1857), библиотека будет располагать 600-ми со-

чинениями на русском и иностранном языках (в 1200 томах), причем немалая часть изданий поступит из личной библиотеки Перовского и В.В. Григорьева.

Научные кружки, литературные вечера, музыкальный театр, танцевальные вечера, традиционные балы и даже лакейские балы, устраиваемые на праздник Рождества – вот как оживилась культурная жизнь Оренбурга во время губернаторства Перовского.

Дом Перовского всегда был открытым, гостеприимным, а радушный прием и русское хлебосольство встречали все служащие и все приезжие гости. По рассказам, Василий Алексеевич любил чаепитие; он пил чай с присвистом, по-купчески, а варенье накладывал в большие блюда, поясняя: «Не люблю из маленьких блюдец есть... аппетит пропадает, плечом размахнуть нельзя. А пища любит, чтоб с размахом».

Щедрость, действенная доброта Перовского распространялась весьма широко. Он лично поддерживал многих деятелей искусства, потому можно сказать, что Василий Алексеевич явился одним из зачинателей меценатства в России. Позднее эстафету подвижничества подхватят П. Третьяков, С. Мамонтов, баронесса фон Мекк и др.

В городе и губернии отбывали ссылку Т.Г. Шевченко, А.Н. Плещеев, М.Л. Михайлов, А.А. Алябьев. О смягчении их участи не раз хлопотал Перовский перед государем. Композитор Алябьев в письмах называл Перовского не иначе как «мой единственный благодетель», а сборники своих песен «Азиатские песни» (1833–1835), «Застольные русские песни» (1839) он посвятил Василию Алексеевичу.

Перовский был почетным членом Императорской Академии художеств; он оказывал щедрую поддержку художникам. «...Это дело шло через Василия Алексеевича Перовского...», – читаем в письме А.О. Смирновой-Россет к Гоголю и узнаем, что Василий Алексеевич постоянно высылал денежные средства А.А. Иванову (1806–1858), который долгое время трудился за границей над созданием картины «Явление Христа народу». По-отечески заботился Василий Алексеевич о талантливом оренбургском художнике А.Ф. Чернышеве (1824–1863), которого отправил в Петербург и помог поступить в Академию художеств, хлопотал также о совершенствовании мастерства в Италии. В письме (1843) Алексея Филипповича меценату-коллекционеру А.Р. Томилову есть такие строки: «...буду всеми силами стремиться, чтобы упования благодетельнейшего В.А. сбывались».

Дружеские отношения связывали Перовского с Александром Брюлловым (1798–1877) и Карлом Брюлловым (1799–1852). Василий Алексеевич материально поддерживал братьев в самом начале их карьеры, заказывал также картины Александра и Карла. Пожалуй, самый известный парадный портрет В.А. Перовского (на фоне степей, любимого серого коня и удерживающего его казака) принадлежит кисти Карла Брюллова (1837). Но раньше на целое десятилетие Перовский стал героем акварельных рисунков Александра Брюллова, в компании с которым Василий Алексеевич провел лето в Сорренто (1824). О Перовском рассказывал Александр Брюллов в письме своим родителям (от 27 августа 1824 г.): «Он – человек прекрасный, прямой, любит тихую жизнь и художества». Художник изобразил Василия Перовского во время одной из прогулок по окрестностям Сорренто, сделав акцент на его манере держаться, на позе. Молодой Перовский одет в изысканный белый костюм, шляпа слегка прикрывает лицо, он держится прямо и горделиво. Стоит добавить, что не только акварельные и карандашные рисунки Перовского оставил потомкам художник. В Оренбурге, введенному на попечение губернатору Перовскому, были созданы по проектам придворного архитектора А.П. Брюллова такие сооружения, как караван-сарай с мечетью и здание Благородного собрания. Эти замечательные памятники архитектуры XIX в. сохранились до наших дней.

Многолетняя дружба с В.А. Жуковским, приятельские отношения с А.С. Пушкиным, Н.В. Гоголем и другими русскими поэтами, писателями – это отдельная страница жизни Перовского, который и сам владел литературным даром, являясь желанным гостем литературных, художественных салонов. Записки Перовского из плена (1812–1814) – «этого энергического человека», по выражению П. Бартенева, были напечатаны в «Русском архиве» (1865); А. Дельвиг в альманахе «Северные цветы» (за 1825 и 1827 гг.) опубликовал «Отрывки писем из Италии» (письма Перовского своему другу Жуковскому), той страны, которую Василий Алексеевич, как страстный путешественник, хорошо знал и любил. Здесь стоит упомянуть, что Перовский был членом-учредителем Русского географического общества (с 1845 г.)

Перовский имел необычные интересы. Так, к примеру, он коллекционировал наручные часы и в этом часовом деле являлся настоящим знатоком. Известно также о его собирательстве посмертных масок, и одну из первых, лучших посмертных масок А.С. Пушкина получил Перовский от своего друга Жуковского. Подтверждением этих интересов

Василия Алексеевича служат также опубликованные мемуары Джеймса Аббота.

Публикации воспоминаний о пребывании в Оренбурге Д. Аббота мы обязаны большой исследовательской работе оренбургского краеведа Г.П. Матвиевской [9]. Капитан артиллерии Ост-Индийской компании, английский агент Д. Аббот был прислан в Хиву в январе 1840 г., весной замечен у русского укрепления Ново-Александровский и оттуда доставлен в Оренбург. О своем пребывании в Оренбургском крае Д. Аббот написал книгу в 2-х т. «Повествование о путешествии из Герата в Хиву, Москву и Санкт-Петербург» (изд. в Лондоне, 1843 г.). На страницах книги он подробно рассказывает о встрече с «благороднейшим из врагов», то есть с Перовским, «чье поведение не уступает его высокой репутации», а «манеры мужественны, просты и искренни»; описывает также гостиную Перовского с предметами роскоши и редчайшей коллекцией древнего и современного оружия. Покидая Оренбург, Аббот получил в подарок от Перовского «прекрасные часы, которые никогда не требовали завода!», а также «два бронзовых слепка с масок (снятых сразу после смерти) Петра Великого и его соперника Карла XII Шведского»; слепки Аббот обещал хранить в своей семье, «как священное напоминание о дружбе и гостеприимстве Перовского».

Василий Алексеевич с его рыцарскими чувствами нравился женщинам. Но он так и не женился. Узы нежной дружбы связывали Перовского и Александру Андреевну Воейкову. Родственница В.А. Жуковского, воспетая им в балладе «Светлана» – Александра Воейкова, муза многих поэтов, молодой умерла от туберкулеза. К Воейковой, умирающей в Италии, Перовский поспешит, но не успеет, однако ее последние прощальные слова были обращены именно к нему. Он позаботится о ее малолетних детях.

Какие горькие строки в отношении Перовского оставил П.А. Плетнев в своем письме В.А. Жуковскому (от 18 мая 1851 г.): «Он на старости одинокий, расслабленный, снедаемый честолюбием и другими страстями, ни на чем не может остановить взгляда с умилением и отрадою. Теперь он отправился в Оренбург. Что за общество для души, высоко образованной?» [10].

Но Василий Андреевич лучше знал друга, когда в одном из своих последних писем напутствовал Перовского, поддержав его решение вновь отправиться в Оренбург. Назначение в Оренбург ожидалось довольно долго и, прежде всего, по причине слабого (был даже близок к

смерти) здоровья Перовского, советовались с Мандтом. Вот что писал Жуковский другу: «...Судя по словам Александрины, я нахожу, что ты своим здравым умом выбрал именно тот путь <...>. Ты человек практический, для размышления тебе довольно одного Евангелия и, может быть, еще немногих книг <...>. Твоя душа созрела на боевом поле жизни. Туда перенеси и внутреннюю жизнь ее...» [11].

Стоит добавить, что сын Жуковского, Павел Васильевич, после смерти отца, по его желанию, передал Александрин Толстой более 50 писем Перовского к Жуковскому.

Да, новые проекты по управлению краем были у Перовского готовы, ждал впереди успех в военном походе по взятию Ак-Мечети. Вот только воспитательский его проект окончился не так, как он когда-то пообещал замужней баронессе, матери своего внебрачного сына: «Я сделаю из него воина!».

Алексей Васильевич Перовский не стал гордостью отца. Учился Алексей в Михайловском артиллерийском училище (с 1843 г.), где выделялся дерзостью и грубостью, за что не раз был подвергнут наказанию. Его выпустили рядовым в Егерский полк, он отважно воевал на Кавказе, произведен (1852) в прапорщики; далее переведен (1855) в стрелковый полк Императорской фамилии и вновь был представлен к награде (знак отличия военного ордена). Но в 1857 г. Алексей Перовский (по неосторожности) убил своего ординарца, за что лишился награды, был разжалован в рядовые и переведен в Ширванский пехотный Е.И.В. Великого князя Николая Константиновича полк. Выйдя в отставку, Алексей Перовский поступил в Оренбурге на службу по гражданскому ведомству (по ходатайству генерал-адъютанта Крыжановского). Был женат на Н. Ростопчиной, детей не имел. Скончался в 1871 г., вероятно, от эпилепсии, которой страдал.

Стоит заметить, что нрав вспыльчивый и обидчивый унаследовал Алексей частью от отца, а частью от деда, А.К. Разумовского, который, по воспоминаниям современников, был «гордыни непомерной». Да, с Василием Алексеевичем общаться в повседневной жизни было иногда непросто, особенно в периоды дурного настроения, что усугублялось, вне сомнения, его расстроенным телесным здоровьем. В.И. Даль, который восемь лет служил под началом Перовского, называл Василия Алексеевича не иначе как «капризный ребенок», о чем упоминает в своих воспоминаниях дочь Даля, Екатерина. Общаясь с ее отцом, Перовский мог захотеть «брататься с ним, то вдруг вытянется перед ним

и примет начальнический вид». Некоторые черты характера Перовского в образе литературных персонажей изобразил В.И. Даль в повестях «Бедовик», «Павел Алексеевич Игривый». Добавим, что замысел «Толкового словаря живого великорусского языка» созрел у Даля именно в Оренбурге; в деловых поездках он собирал пословицы и местные выражения.

Личность Перовского волновала воображение не только В.И. Даля, но и других писателей (Г.П. Данилевский, В.П. Правдухин, Н.И. Анов, С.И. Гусев-Оренбургский, В.С. Пикуль и др.). Интересен был Перовский Льву Толстому.

Теплые дружеские и родственные чувства связывали Василия Алексеевича Перовского с семьей петербургских Толстых, в частности, с Александрой Андреевной Толстой (1817–1904). Перовский, ровесник ее матери, Прасковьи Васильевны (рожд. Барыковой), часто бывал в родительском доме Толстых. Еще девочкой Александрин полюбила Василия Алексеевича и всю жизнь хранила к нему привязанность. Она не вышла замуж, посвятив себя служению царской семье, воспитанию царских детей. Александра Андреевна Толстая достигла самых высот в своей служебной карьере, она стала кавалерственной дамой, камер-фрейлиной императорского двора.

Но не столько высота карьеры, сколько высота ее духа – вот что осталось в воспоминаниях о ней современников и, прежде всего, Толстых, Льва Николаевича и Софьи Андреевны. «...О любящем сердце, всегда открытом на сочувствие и любовь», – писала Софья Андреевна. О «дорогом друге», о «милой покровительнице души», – писал Лев Николаевич.

Еще в 1850-х гг. зародилась дружба Александрин и Льва, завязалась переписка, ставшая для нас, сегодняшних, драгоценной биографической, исторической россыпью событий, размышлений, чувствований, споров. Лев Толстой приходился Александрин двоюродным племянником. Напомним о родственных узах. Дед Льва Николаевича и отец Александрин, Андрей Андреевич Толстой, были родными братьями. Сестра Перовского, Анна Алексеевна, вышла замуж за графа Константина Петровича Толстого; брачный союз распался, и брат Анны Алексеевны, Алексей Алексеевич Перовский занимался воспитанием племянника, будущего известного писателя и поэта А.К. Толстого. Родной брат Александрин, Илья Андреевич Толстой (1813–1879) начинал адъютантом при Перовском (1840); впоследствии занимал должность

наказного атамана Оренбургского казачьего войска (1859–1863); генерал-лейтенант, сенатор.

От Александрин узнал Лев Николаевич Толстой (в конце 1850-х гг.) историю Перовского, и на страницах романа «Война и мир» (образ Пьера Безухова) описал те мучительные испытания, что выпали на долю Василия, семнадцатилетнего юноши, в плену у французов. Письма Перовского Жуковскому также побывали в руках писателя.

В 1870-х гг. Л.Н. Толстой задумал писать роман о декабристах, свое новое сочинение, «местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время – Перовского». В письме к А.А. Толстой (от 3 января 1878 г.) писатель признавался: «... все, что касается его, мне ужасно интересно, и должен вам сказать, что это лицо, как историческое лицо и характер, мне очень симпатично <...> хотелось бы поглубже заглянуть ему в душу» [12]. Заглядывая в эту душу и эту натуру, Толстой соглашается с Александрин, что в Перовском «все было à grands traits I, качества и недостатки».

Стоит заметить, что Перовский состоял в ранних декабристских организациях, но Следствием по делу декабристов был впоследствии оставлен без внимания. 14 декабря 1825 г. Перовский находился при государе и на Сенатской площади получил удар поленом в спину.

В марте 1878 г. А.А. Толстая при встрече с Львом Николаевичем в Петербурге передала, откликаясь на его просьбу, письма Перовского. Возвращая письма, Толстой заметил, что «многие, особенно из Крыма, прелестны и чрезвычайно трогательны», что он погружен в то время, но ему «надобно, чтоб не было виноватых».

За разговором о личности Перовского, его слабостях, что с избытком вознаграждались его достоинствами как человека, как администратора, Толстые не забывали обсудить также то, что происходило рядом с ними, власти и политику. Александра Андреевна писала: «...среди наших великих администраторов не найдешь и двух, с которыми можно было бы говорить, опираясь на правду вечную и на общую нашу ответственность перед ней. Они рассмеялись бы, если не злобно, то, во всяком случае, наивно, не подозревая, что только черпая из этого источника, они приобрели бы и силу, и вдохновение, и свет. <...> Мне кажется, что именно теперь каждая отдельная личность обязана следить с особым вниманьем за чистотой своей жизни, своих помыслов и каждого своего движения, чтобы не умножить собою ко-

¹ крупного размаха (фр.)

личества зла, рассеянного на нашем земном шаре, с которым мы, вне сомнений, солидарны...» [13]

Как же они, Василий Перовский и Александрин Толстая, были похожи в своем бесстрашии в обращении с главным в жизни: с правдой! «Повинуюсь голосу совести...», – сообщал Перовский о своем решении уйти в отставку, поясняя А.Я. Булгакову в одном из писем: «... держался, пока было можно. Но есть предел всему. И наконец, совесть уверяет меня, что дальнейшая неуступчивость была бы вредна службе и, следовательно, краю, которым я управляю и который я любил больше всего на свете. Я еще мог бы обманывать зрителей, но самому мне невозможно обольщаться. Пора уступить место другому. Дай Бог, чтобы преемник мой работал с такою же любовью, которая одушевляла меня в течение 15 лет. Я рассчитывал умереть служа...» [14].

Роман о декабристах написан Толстым не был, сохранились лишь небольшие наброски (сочинения «Декабристы», «[Князь Федор Щетинин]»). Позднее, когда И.Н. Захарьин (Якунин) возьмется за печатание нового издания «Граф Перовский и его зимний поход в Хиву» (1901), А.А. Толстая предложит для публикации (переведет с французского) письма Василия Перовского, написанные им в походе.

В сентябре 1857 г. Перовский приехал в Крым и по приглашению вдовствующей императрицы Александры Федоровны поселился в ее имении в Ореанде. Василий Алексеевич был очень слаб, его сопровождали брат Борис и доктор Круневич. Через месяц А.П. Шувалов получил в столице рапорт от главного смотрителя дворца Козьмина, который пояснял причины, по которым Перовский уже покинул дворец: «...в последнее время, чувствуя внутренне, что болезнь его с каждым днем усиливается и становится для него тяжелее, не надеется в продолжение своей жизни, сознавая при том, что если кончина его последует в Ореанде, то смертию своею оставит для дворца мрачное впечатление, а потому заблагорассудил 20 числа сего октября выехать из Ореанды на жительство в Алупку» [15].

Местом последнего приюта Василия Алексеевича Перовского в Крыму стал дворец кн. Воронцова в Алупке, а именно, Шуваловский (гостевой) корпус дворца.

В ноябре 1857 г. приехала в Крым Александрин Толстая. Василию Перовскому она читала Евангелие. Утешая в те последние дни, Александрин возвращала святой долг преданности человеку, которого любила всю жизнь. Завесу их чувств деликатно приоткрывают стихи

А. Фета («Светил нам день, будя огонь в крови...»), над этими строками плакала Александра Андреевна Толстая много лет спустя:

«...И разлучась навеки, мы пойдем,
Что счастья взрыв мы промолчали оба...»

Уже после кончины Василия Алексеевича написала Александрин священнику Евсевию, с ним Перовский много общался, переписывался и ему просил передать благодарность за полезные беседы. Вот строки из письма А.А. Толстой (от 9 февраля 1858 г.): «...В последние дни своей жизни, он, в присутствии моем и своего брата, Бориса Алексеевича, громко перебирал свое прошедшее, не щадя себя и не прощая себе ничего. Всегда правдивый, он в эти минуты упирал как-то особенно на свою виновность перед Богом, – и редко можно встретить такое полное сознание своей греховности, им проявленное. Эта гласная исповедь совершенно опровергала в наших глазах те бессмысленные обвинения в жестокости, которые еще при его жизни враги его старались распространить на его счет и которым, к несчастью, многие поверили. <...> Доброта и глубокое сочувствие к страждущим были отличительной чертой его характера, и сколько слез было осушено его щедростью!» [16].

26 ноября 1861 г. брат Василия Алексеевича Борис отправил письмо сыну Перовского, Алексею, и рассказал о последних днях жизни его отца: «...Василий Алексеевич перед смертью высказал мне свое желание, как и где он должен быть похоронен и какой крест должен быть поставлен на его могиле. Вследствие этого, уезжая из Крыма, я поручил прислать мне выкройку свода церкви, в склепе которой положили тело Василия Алексеевича. Когда крест этот был отлит и вделан в него образ Спасителя, который для него дала гр. Александра Андреевна, то он был отправлен в Крым – с поручением тому же архитектору поставить его на место, что он и исполнил. <...> В самом же склепе, то есть там где поставлен гроб, он был обделан, сколько мне помнится, обыкновенным крымским камнем, как это устроено для гроба – не помню чьего [княжна А.А. Оболенская, прим. автора ст.] – поставленного у противоположной стороны того же склепа. Ты неправильно называешь это памятником – памятник в церкви, а внизу, в подвальном этаже, делается вместо могилы каменное хранилище, в которое вдвигается гроб и заделывается. <...> Василий Алексеевич умер в нижнем этаже алушкинского дома – в той комнате, из которой окошко приходится почти против огромного дерева, кажется, орехового <...> Утешься той

мыслию, что в земной жизни своей он с тобой примирился и благословил тебя, умирая, а в будущей – будет твоим заступником и ходатаем перед гробом...» [17].

По желанию Василия Алексеевича Перовского он был похоронен в Балаклавском Свято-Георгиевском монастыре в склепе Воздвиженской церкви.

«Не слыть, а быть» – это девиз на гербе графа Перовского, золотые буквы на черной ленте. Он был замечательным человеком и достойным гражданином своего Отечества.

Отдадим дань памяти Василию Алексеевичу Перовскому!

В.А. Перовский.

Худ. Е.И. Ботман. 1875 г.

Холст, масло. Государственный мемориальный музей

А.В. Суворова

Крым. Воронцовский дворец (Алупка).
Летняя терраса Шуваловского корпуса.
2016 г. Фотография И.В. Турковой

Крым. Мыс Фиолент.
На его скалистых обрывах
стоит Свято-Георгиевский
монастырь. 2016 г.
Фотография И.В. Турковой

Литература

1. Васильчиков А.А. Семейство Разумовских. СПб. 1880. Т. 2. С. 112–113.
2. Захарьин (Якунин) И.Н. Граф Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб. 1901. С. 7.
3. Письма графа В.А. Перовского к А.Я. Булгакову // Русский архив. М. 1878. № 5. С. 40–41.
4. Неизвестный Владимир Иванович Даль / Сост. А.Г. Прокофьева, Г.П. Матвиевская, В.Ю. Прокофьева, И.К. Зубова. Оренбург. 2002. С. 201.
5. Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Документы. Письма. Воспоминания / Сост. Е.Г. Вертоусова, Г.П. Матвиевская, А.Г. Прокофьева. Оренбург. 1999. С. 207–208.
6. Письма графа В.А. Перовского к А.Я. Булгакову // Русский архив. М. 1878. № 7. С. 319–320.
7. Оренбургский губернатор Василий Алексеевич Перовский. Документы. Письма. Воспоминания / Сост. Е.Г. Вертоусова, Г.П. Матвиевская, А.Г. Прокофьева. Оренбург. 1999. С. 262–263.
8. Семенов Ю.С. Дипломатический агент. Оренбург. 2016. С. 72.
9. Матвиевская Г.П. Английский агент Джеймс Аббот: «Я был восхищен встречей...» // Гостиный Двор. Оренбург. 2013. № 42. С. 187–206.
10. Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л. 1987. С. 33.
11. Захарьин (Якунин) И.Н. Дружба Жуковского с Перовским. 1820–1852 // Вестник Европы. 1901. № 4, апрель. С. 549.
12. Л.Н. Толстой и А.А. Толстая. Переписка (1857–1903). М. 2011. С. 351.
13. Там же. С. 366–367.
14. Письма графа В.А. Перовского к А.Я. Булгакову // Русский архив. М. 1878. № 7. С. 328.
15. Государственный архив Республики Крым. Ф. 248. Оп. 1. Д. 211. Л. 14, 14 об.
16. Захарьин (Якунин) И.Н. Граф Перовский и его зимний поход в Хиву. СПб. 1901. Ч. 1. С. 124.
17. ГИМ ОПИ. Ф. 368. Оп. 1. Д. 26. Л. 72.

Васадина Нелли Павловна,
*бывший малолетний узник
фашистской Германии*

МЫ ПОМНИМ И ЧТИМ. ОККУПИРОВАННЫЙ КРЫМ (фильм «Эхо войны в детских сердцах»)

Для жителей Крыма война началась ранним утром, в 3 часа 20 минут, 22 июня 1941 года с варварской бомбардировки города Севастополя – главной военно-морской базы Черноморского флота. В город пришла война! Первые раненые, десятки убитых, сбитые вражеские самолеты...

«Крым должен быть освобожден от всех чужаков и заселен немцами», стать «областью империи» – было объявлено на совещании в гитлеровской ставке 16 июня 1941 года. Командование вермахта рассматривало Крымский полуостров в качестве удобного плацдарма для высадки на Северный Кавказ. С крымских аэродромов немецкая авиация могла совершать налеты на порты кавказского побережья. И Гитлер потребовал захватить полуостров до наступления зимы.

Начиная с нуля часов 23 июня 1941 года на всей территории Крымского полуострова, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г., было введено военное положение. Приближение врага к границам Крымского полуострова заставило руководство Крымской АССР и обком ВКП(б) вплотную заняться вопросом подготовки к партизанской войне. В связи с этим 4 сентября 1941 г. в обкоме партии состоялось совещание секретарей горкомов и райкомов ВКП(б), председателей городских и районных Советов депутатов трудящихся республики с приглашением группы старых партизан – участников Гражданской войны в Крыму. На совещании были решены ключевые вопросы по организации партизанских формирований: их дислокация, численность, снабжение и др., а также подготовлены планы и схемы мест для развертывания борьбы с врагом.

С 28 октября 1941 года, на основании постановления Военного совета войск Крыма от 27 октября, по всей территории Крымской АССР было введено осадное положение.

Для захвата Крыма была брошена 11-я немецкая армия, одна из лучших в вермахте, и румынский горный корпус, а также силы 4-го воздушного корпуса. Группировка противника насчитывала 124 тысячи человек. Она имела две тысячи орудий и более ста самолетов. Под натиском превосходящих сил врага советские войска, после ожесточенных боев, оставили Перекоп и 28 сентября отошли на Ишуньские позиции.

Утром 2 ноября 1941 г. в г. Симферополь со стороны Севастополя вступила колонна гитлеровских войск. Начался мрачный, тяжелейший в истории Симферополя, длившийся около 900 дней, период немецко-румынской оккупации, принесший его жителям неисчислимые страдания. Разрушенные дома, убитые женщины, старики, плач и стоны умирающих детей. Голод, холод, страх... С первых же дней в городах и населенных пунктах германские власти устанавливали жестокий режим, почти невыносимые условия жизни для населения. Так, согласно данным подпольщиков и разведчиков партизанских отрядов, фашисты закрывали школы, грабили все, что оставалось от эвакуированных вузов, закрыли все магазины, а освободившиеся таким образом помещения использовали под госпитали, гаражи, конюшни, разного рода увеселительные заведения; посрывали указатели с советскими названиями улиц и повесили свои желтые таблички с черными готическими буквами; вывозили ценное имущество заводов и других промышленных объектов; расхищали музейные экспонаты. Жители города были запуганы, шла тщательная проверка населения, усилился террор. После 5 часов вечера всякий, появляющийся на улице без сопровождения немецкого солдата, расстреливался. Каждому задержанному днем в 5-километровой полосе вокруг города грозил концлагерь, а если ночью, то расстреливался без окрика. Немцами был издан приказ о мобилизации мужчин от 16 до 60 лет и женщин от 17 до 45 лет на оборонительные работы. Согласно другому приказу, юноши и девушки 1926 и 1927 годов рождения обязаны были пройти врачебную комиссию на предмет пригодности для отправки в Германию. За отказ от явки на комиссию грозил расстрел. В местах дислокаций войск из числа родственников партизан, подозреваемых в связях с партизанами, членов партии и комсомольцев, занимавших руководящие посты до прихода немецких и румынских войск, брались заложники и заключались в концентрационные лагеря. Впоследствии за каждого немецкого или румынского солдата, убитого партизанами, расстреливалось 10 заложников, за каждого раненого – один заложник.

Оккупировав Крым, немецкие власти издали массу приказов, предупреждений, объявлений как местного, так и регионального масштаба за период с 1941 по 1944 год. Особое место в их выходе в свет занимала газета «Голос Крыма», которая издавалась в Симферополе с 12 декабря 1941 г. по 9 апреля 1944 г. (всего 338 номеров) на русском и крымскотатарском языках.

Оккупационные власти освещали все стороны жизни крымчан. Публикуемые документы делились на шесть категорий: военного характера, репрессивного, административного, идеологического, национального и государственного. Например: о переименовании улиц, о сдаче литературы на русском языке, нот музыкальных произведений русских композиторов, а также списки казненных за невыполнение публикуемых распоряжений и за антинемецкие разговоры.

По этим материалам можно судить о тяжелой жизни людей под постоянной угрозой смерти, об их бесправии и нищете, болезнях и страданиях советских военнопленных, о массовых расстрелах евреев, цыган, крымчаков, о концлагерях смерти, облавах, о насильственном угоне в фашистскую Германию на принудительные работы.

Вторая мировая война – не только миллионы жертв, это насилие и искалеченное детство целого поколения «детей войны», последних свидетелей той ужасной войны, которые помнят о ней не со слов старшего поколения и не по написанным мемуарам. Они – дети, прошедшие все муки ада, знающие смерть по вкусу слез и крови, по запаху пороха. Кровь детей смешалась с солдатской кровью, пролитой на полях сражений! И мы, несовершеннолетние узники фашистской Германии, знаем, что такое война! На долю нашего поколения выпало это суровое время. Годы нашего детства прошли в неволе – в бараках на нарах на чужой земле. Мы пережили унижения, оскорбления, лабораторные опыты, забор крови для немецких солдат. И чтобы не были забыты эти испытания, чтобы уберечь мир для будущих поколений и сберечь память об ушедших – мы создали фильм «ЭХО ВОЙНЫ В ДЕТСКИХ СЕРДЦАХ». В фильме дети-школьники, по воспоминаниям людей, оказавшихся на оккупированной фашистами территории, а затем угнанных в рабство в Германию или попавшие в концлагеря, через силу искусства воплотили на театральной сцене их нелегкие судьбы.

Потомки! Помните и не забывайте, что потом и кровью пропитана земля! И нет ничего дороже мира!

БЕРЕГИТЕ МИР!!!

Бугай Николай Федорович,
*главный научный сотрудник Института
российской истории РАН, доктор исторических наук*

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ: ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ОБЩНОСТЕЙ КРЫМА В 1940-е ГОДЫ. НОВОЕ В ИЗУЧЕНИИ ПРОБЛЕМЫ

Народы Крыма, как и российская общественность, отмечают в апреле 2018 г. 235-летнюю годовщину вхождения Крыма в состав Российской империи. И в данном случае каждый может относиться к этой исторической дате по-разному. Однако это событие обрело более двух веков тому назад реальность и исторический смысл, и с этим надо считаться.

В условиях современности это явление утверждено самой жизнью, оно приобрело свои исторические корни, свой эволюционный путь развития, но конститутивный момент его подтвержден всем ходом дальнейших событий, связанных с данной точкой отсчета. А эти подтверждения – это и Крымская война, Гражданская и Великая Отечественная война 1941–1945 гг., это и события, связанные с принудительным переселением народов Крыма, со спецификой национал-строительства, партийного и советского строительства, особенностями обустройства народов, населявших Крымский полуостров. Он во все времена оставался многонациональной территорией Российской империи, а затем и Советского Союза. И, однозначно, он будет таким впредь.

Процесс исторического развития той или иной территории таков, что она не используется как предмет для подарка, тем более с населением, которое на нем обитает.

В конкретном случае должна быть учтена воля этих народов, их общее желание, а не воля одной личности, олицетворявшей в государстве персонифицированную политику, своей властью навязавшую волю всему обществу. Такая обстановка в государстве, несомненно, вызывает различные суждения и политические оценки, противоречащие зачастую здравому смыслу.

На практике так и получалось в разные времена с Крымом. Никто не спрашивал желание самих народов Крыма, ни в 1944 г., ни в 1954 г., ни в 1990-е годы. В решении судьбы территории Крыма (Крымской АССР, Республики Крым), области, республики и народов, на ней проживающих, в реальности постоянно присутствовал персонифицированный принцип, на основе которого и закладывался вопрос об отношении территории к тому или иному государственному образованию. Вообще судьба Крыма, Крымской АССР, области, республики подвергалась неоднократно испытаниям, которые наносили ущерб не только этническим обществам, но и самому территориально-административному образованию.

Уже в 1920-е годы, со времени образования автономии, территория воспринималась как автономная, создаваемая якобы для крымскотатарского народа. Это ошибочное представление, естественно, не могло не вносить ошибку в само понимание и восприятие, назначение автономного государственного образования.

Как известно, в нацистроительстве Советской республики превалирующими были два принципа обустройства обществ, территориальных составляющих частей – административно-территориальный и национально-территориальный. И это соответствует принятым нормам государственного обустройства и Российской империи. Этнический принцип в Российской империи никогда не выступал в качестве главного, государствообразующего принципа.

Тем не менее советский период вносил определенные коррективы и в этот непростой процесс обустройства национального государства. Также создавалась ситуация, когда на многонациональных территориях автономная республика не создавалась для одной этнической общности, применительно к крымским татарам – крымскотатарской общности. Автономия учреждалась одновременно для всех проживавших на территории Крыма этнических общностей. Это было своеобразное проведение эксперимента формирования национальной государственности.

Если подвести итог национально-государственному обустройству народов на территории Советской республики в ее первые 3 – 5 лет, затем в 1930-е годы, то такими государственными образованиями были Горская АССР, Крымская АССР, АССР немцев Поволжья, Северокавказская Республика. На это имеются и многие подтверждающие документы, нормативно-правовые акты Советского государства, разного

рода постановления СНК, указы, инструктивный блок органов государственной власти.

Если констатировать конкретно по Крымской АССР, то она была многонациональным образованием русских (более 50%), украинцев – 25 %, крымских татар (19%), немцев, армян, греков, болгар, караимов, евреев и других этнических меньшинств (10 %).

Более того, последующее развитие территории еще раз подтверждало общность целей, отличие своей спецификой, которая определялась, в том числе, и уровнем грамотности населения, его образованности, жизни. Так, например, по российским немцам в Крыму доля городского населения составила 7,7%. В Крымской АССР из 719531 человек населения немцы сохраняли высокий уровень грамотности, в 1921 г. – 72,8%. Заметно высоким оставался и уровень их грамотности: женского населения – (73,1%) , мужчин – 72,5%). В 1926 г. по Крымской АССР: немцы – 71,8 %, русские – 76,1%, в Симферополе – 78,1%, Севастополе – 21,4%, украинцы – 45,5%. Такой была ситуация с образованием и грамотностью применительно к названным этническим общностям.

Накануне войны 1941–1945 гг. на полуострове проживало всего 1126429 человек, из них русских – 558,5 чел. (49,6%), крымских татар – 218179 чел, украинских – 154120 чел., немцев – 65452 (4.2 %), армян – 12873 чел. (1.4%), болгар – 15353 (1.45%), греков – 20652 (1,8 %), прочих – 29276 чел. Численность представителей крымскотатарской национальности в связи с непрерывно существующей проблемой трудовой занятости, сокращалась. Население отбывало в другие районы страны в поисках работы. К середине 1944 г. к общему числу населения в республике оставалось крымских татар – около 19,4%, т.е. в целом пятая часть населения. Уменьшение численности населения татар обуславливалось трудностями военного времени.

Немаловажен и тот факт, что это положение было в очередной раз зафиксировано и в Постановлении ЦК КПСС от 24 ноября 1955 г. «О восстановлении национальной автономии калмыков, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов». Относительно крымских татар прямо указывалось, что «Крымская АССР не была автономией только татар, имея в виду, что она представляла из себя многонациональную республику, в которой татары составляли менее одной пятой всего населения...».

Территория Крыма претерпела изменения и в последующее время, особенно в 1920–1930-е годы, когда резко возникал вопрос о пересе-

лении евреев на территорию полуострова и вынашивались планы создания на его территории Еврейской автономной области. Разумеется, в этом случае и для еврейского населения необходимо было предоставить земельные наделы. Планировалось переселить на полуостров более 65 тыс. граждан еврейской национальности. Существовал план довести количество еврейского населения до 115 тыс. человек по отношению к остальной части населения республики – 485 тыс. человек. По первым прикидкам, имевшейся земли площадью в 148 тыс. га не хватало. Нависла угроза потери крымскотатарских земель. Крымские татары запротестовали. Тогда был рассмотрен вопрос о предоставлении дополнительных земельных наделов для евреев – переселенцев на территории прибрежной полосы Азовского моря, Керченского залива от Тамани до Приморско-Ахтарска.

Все предпринимавшиеся меры по формированию Еврейской автономной области на территории Крыма были приостановлены. В 1940–1945 годах подверглось эвакуации проживавшее в Крыму немецкое население в Орджоникидзевский и частично Краснодарский края. Общее число эвакуированных составило более 50 тыс. человек.

Какой бы то ни было угрозы для принудительного переселения проживающих этнических общностей на территории Крыма пока еще не существовало. Что касается крымских татар, то они уже были затронуты в Постановлении ГКО № 1828 сс от 29 мая 1942 г. о выселении социально опасных лиц с территории Таманского полуострова. «Выселению в административно порядке подлежат, кроме лиц, признанных социально опасными, также лица немецкой национальности, крымские татары и иностранноподданные (греки)», – констатировалось в документе.

Наряду с названными народами оставались в Крыму представители таких этнических общностей, как крымчаки, караимы, итальянцы и небольшая группа других европейских этнических общностей (венгры, сербы, словаки, цыгане, македонцы и др.).

Призванные с территории республики в Красную Армию, по приблизительным данным, составили 90 тыс. человек. В ходе военных операций в Крыму были расстреляны 67 тыс. евреев, караимов, крымчаков. Часть крымских татар ушли в партизаны, но в начале 1944 г. их оставалось из 3783 человек всего 600 человек.

Еще одна из актуальных проблем, которая получила реальное развитие в жизни Крыма в 2000-е годы на практике, это покаяние и

прощения. Сначала к ней обратились исследователи А.А. Алафаев и Х.М. Сабанчиев, которые аргументировали, на первый взгляд основательно, свою концепцию покаяния, выдвинули прежде всего покаяние русского народа, особенно перед теми этническими общностями, которые на практике 1930–1940-х годов подвергались деструктивному воздействию со стороны государственных органов власти, в первую очередь со стороны карательных органов.

Если в вину русским вменяется то, что они стали участниками акций принудительных переселений народов на территории СССР, тогда в этом нет никакой их вины. Это не фантазии самих русских, а предписания органов власти, того же Государственного комитета обороны СССР, штабов фронтов и армий, НКВД СССР, союзных и автономных республик, главных управлений НКВД по соответствующим административно-территориальным субъектам на территории страны.

В условиях военного времени эти приказы не подвергались обсуждению и были обязательными к их исполнению. Поэтому утверждение подобных действий в современной обстановке, придание нового смысла самому понятию «покаяние» граничит с неуемной фантазией.

Как говорят в народе, была бы подана «умная мысль», она всегда найдет почву для своей подпитки. Это же требование прозвучало в свое время (2000-е годы) и из уст мэра г. Ялты, также последовательно придерживавшегося этой концепции, обращаясь с покаянием к жителям Ялты, прежде всего крымским татарам. Однако реальное воплощение мер в практику, например, предоставление земельных наделов, участков тем же татарам для строительства жилья стало неподъемной задачей для мэра. Так зачем же тогда провозглашать клятвы?

И само покаяние утрачивало свое назначение, т.к. как с самого начала это было пустой затеей.

Прежде чем перейти к изложению вопроса о принудительных переселениях на территории Крыма, было бы целесообразным проанализировать научность оперирования такими понятиями, как «депортация» и «принудительное переселение», которые имели место на практике применительно Союза ССР и никогда не были адекватными. Это определенная новация в историографии самой проблемы. Применение понятий требует к себе особого отношения, более глубокого изучения самой проблемы, позволяет вносить эти продуманные и выверенные коррективы как международной практикой, так и практикой примене-

ния принудительных переселений, депортаций на территории разных стран (США, Германия, Венгрия, Россия, Союз ССР, Вьетнам и др.).

Прямое использование понятия «депортация» неприемлемо для Союза ССР. Оно носит только точечный характер, значит, и использование его должно соответствовать такому положению. Например, в 1938 г. с территории Дальнего Востока Союза ССР депортировались китайцы в количестве 11,2 тыс. человек. Их переселяли в провинцию Синьцзянь. Или иранцы – с территории Азербайджанской ССР, курды – с территории Армении.

В 1904–1905 гг. принудительно переселялись японцы, китайцы, корейцы с Дальнего Востока в Пермь (на запад страны). По окончании войны и заключения Портсмутского мира им было разрешено возвращение в прежние места проживания. Однако китайцы и корейцы оставались добровольно в Перми, а японцы – депортировались через Кяхту в Маньчжурию, затем – в Японию (около 700 человек).

Одним словом, в отношении принудительно переселявшихся народов Союза ССР термин «депортация» применим только в конкретном случае.

Принудительное переселение отражало сущность самих проводимых мер, требовавшихся в условиях реализации этого механизма. Он воплощался в жизнь на едином правовом поле, на основе единого правового законодательства. И с этой точкой зрения историков-правоведов надо согласиться, т.к. в данном случае наблюдается строгое соответствие действительного положения дел. Мера совершалась с учетом военного времени и необходимости решения задачи борьбы с фашизмом, сохранения целостности государства.

Названные факторы лежат в основе проводимых мер по принудительному переселению крымских татар, а также других народов: российских немцев (остатки после эвакуации более 50 тыс. в Орджоникидзевский край), армян, греков, болгар, караимов, крымчаков, итальянцев, представителей других этнических меньшинств, проживавших по тем или иным причинам на территории Крымской АССР до 1944 года.

В целом же с территории Крыма было переселено в течение 1944 г. более 230 тыс. крымских татар, греков, болгар, немцев, армян, а также итальянцев, проживавших в колхозе им. Сакко и Ванцетти. С учетом представителей разных этнических меньшинств эта численность возрастает. И составит, по приблизительным данным, до 285 тыс. человек.

В столь отдаленные места в принудительном порядке были отправлены на поселение венгры, словаки, словенцы, цыгане, македонцы, чехи и многие другие.

Длительное время не были известны окончательные данные о принудительном переселении крымских татар. В одной из Особых папок Сталина сохранился текст выступления 27–29 сентября 1944 г. на Пленуме Крымского обкома ВКП(б) секретаря П.Ф. Тюляева, где им были оглашены окончательные данные по переселенным крымским татарам – 194 111 человек.

Несомненно, никто не сможет положительно оценивать подобные меры. Вряд ли существовала такая острая необходимость принудительно отправления «в далекий путь» стариков, женщин и детей. Тем более, когда в соответствующих органах власти – НКВД Крымской АССР (Сергиенко), Управления НКВД по гор. Керчи (Гр. Каранадзе) других ведомствах имелась солидная документация по тем кандидатурам, которые на законной основе военного времени могли быть отправленными на новые места проживания и в трудовые колонии.

В последние годы стали известны и многие другие стороны принятия подобных мер применительно армян, болгар, греков, и особенно итальянцев, караимов. Поиск новых материалов позволяет детализировать и эти страницы жизни и обустройства народов Крыма.

Конечно, эти процессы протекали сложно и имели негативные последствия. Особенно трудным было положение стариков, детей. Многие из них не могли передвигаться в условиях перевозки к новым местам расселения. Трудно протекал и процесс обустройства на новых местах. Конечно, все планы были расписаны на бумаге, однако реальность оказалась несколько иной. Эта мера не оставила в стороне ни один народ. Подобным экзекуциям подвергались и украинцы, и русские. Только с территории Украины, по данным А.В. Марчукова, было принудительно переселено более 200 тыс. русских, и в целом территорию Украины подобным образом покинули около 550 тыс. граждан разных национальностей. Такими были итоги этих акций на территории Крыма и Украины.

Знаковым событием в жизни народов Крыма явился референдум, используемый в международной практике, на котором было изложено волеизъявление народов Крыма о присоединении к своим историческим корням, берегам – к России. 18 марта 2018 г. исполнилось ровно четыре года с момента подписания крымскими властями договора о присоединении Крыма к России.

Принадлежность Крыма России – это неоспоримый исторический факт. Вывод в данном случае возможен только один: и русским, и представителям других этнических общностей надо не безмолвствовать, необходимо постоянно бороться за свое исконное право, отстаивать право на жизнь, создавать условия для сохранения государственности и обеспечения безопасности его существования.

Конечно, знаковым событием явилось издание Указа Президента РФ от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах реабилитации армян, болгар, греков, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития». К сожалению, не были названы итальянцы, караимы и другие этнические общности. Правда, в этом случае по причине их малочисленности имеются широкие возможности решения их проблем через органы местного самоуправления.

В условиях современности судьбы ранее репрессированных народов Крыма разделят также и российские корейцы, проживающие в Республике Крым. Впервые на территории Крыма в феврале 2018 г. состоялся 5-й Всероссийский съезд корейцев, пересмотревший Устав общероссийского корейского объединения, в состав которого входит и Ассоциация корейцев Крыма.

Для этой цели должна быть повышена роль институтов гражданского общества. При этом особое внимание обращается на приоритетные меры, обеспечение населения жильем, земельными ресурсами, общедоступными возможностями для обустройства, соблюдение правовых норм общежития, сохранение целостности государства, создание условий для безопасности страны.

Конечно, не все протекает гладко, но многое в данном случае зависит и от самого населения городов и селений республики. Народы Республики Крым избрали свой путь, вернувшись в русский мир. Это их выбор и его следует уважать, всячески поддерживать, отстаивать и защищать.

Для исправления ситуации необходимо не только развернутое обоснование нормативно-правовой базы, но еще и вливание немалых денежных средств. Они составили на 1993 г., по приблизительным подсчетам, по программе возрождения крымских татар – 500 млрд рублей; переселению армян, болгар, греков и советских немцев 100 – 120 млрд рублей. Однако необходимо еще внимание и к этническим меньшинствам, их экономическому и духовному развитию. На территории Крыма сформировалось 300 поселков и массивов компактного проживания тех, кто возвращался на свою родину.

Постепенно решается вопрос о трудоустройстве 136 тыс. трудового населения. К середине 1990-х годов были трудоустроены 64 тыс. человек. «Безусловно, органы власти не могли одновременно все сделать эффективно, т.е. без самих же крымских татар, – замечал В.В. Путин, – без тех людей, которые заинтересованы в развитии этих территорий, без поддержки граждан, которые там проживают». Это и русских касается, это касается украинцев, как и других репрессированных народов: греков, болгар, немцев.

На решение задач нацелены государственные программы по укреплению единства российских народов, гармонизации межэтнических отношений, национально-культурного и духовного возрождения народов Крыма. Вывод один: интересами своей республики, города, поселка надо жить. Семья народов Крыма неразделима. И они должны прилагать усилия для создания удобных условий проживания всех народов.

И в заключение, в связи с юбилеем – 235-летием вхождения Крыма в состав Российской империи, хотелось бы особо выразить благодарность представителям тех институтов власти, которые были призваны вывести Республику Крым из того кризисного положения, в котором она оказалась за 25 лет пребывания в составе Украины. А это и Глава Республики Крым Сергей Аксенов, руководители других органов исполнительной и законодательной государственной власти, а также республиканских и общероссийских органов власти, таких как действовавшая в начале 1990-х годов Государственная комиссия по проблемам крымскотатарского народа (В.Х. Догужиев), Управление республиканской комиссии по депортированным народам Крыма, Комитет возвращения принудительно переселенных граждан (с 1990 г.), Постоянное Представительство Республики Крым при Президенте РФ, Комитет по делам национальностей Государственной Думы Российской Федерации и другие. Они внесли в это непростое время достойный вклад в консолидацию народов Республики Крым.

Орешин Сергей Александрович,
ведущий эксперт ГБУ
«Московский дом национальностей», к.и.н.

КРЫМ НА КРУТОМ ПЕРЕЛОМЕ ИСТОРИИ: 1917–1921 гг.

События Революции 1917 года и последовавшей за ними Гражданской войны оказали огромное влияние на историческое развитие нашей страны и отдельных регионов. В силу ряда внутренних и внешних причин территория Крымского полуострова оказалась в эпицентре вооруженного противостояния и пострадала особенно сильно. Политическая и вооруженная борьба велась с большим ожесточением, а власть менялась очень часто.

Накануне революции в Крыму проживало 800 тыс. человек, в том числе 400 тыс. русских и 200 тыс. татар, а также 68 тыс. евреев и 40 тыс. немцев.

Февральская революция 1917 года, помимо прочего, привела к активизации и организационному оформлению национально-демократических движений национальных окраин России.

В марте 1917 года в Симферополе прошел Всекрымский мусульманский съезд, на котором полторатысячный делегатский корпус избрал постоянный орган – Мусульманский исполнительный комитет (Мусисполком) из 50 человек. Председателем Мусисполкома был избран бывший учитель, солдат С.Д. Хаттатов. Ключевые посты заняли Челеби Челебиев (Номан Челебиджихан) (временный комиссар духовного правления и одновременно Таврический муфтий) и Джафер Сейдамет (комиссар вакуфной комиссии).

Мусисполком активно приступил к управлению внутренней жизнью крымских татар: готовились изменения в сфере образования, выпускались газеты, предпринимались шаги по созданию крымскотатарских воинских частей, устанавливались связи с другими национальными движениями на территории Российской империи.

1–2 октября 1917 года на съезде представителей крымскотатарских организаций было принято решение о том, что в сложившейся политической ситуации вопрос о дальнейшей судьбе Крыма должен решать Курултай крымских татар. Курултай открылся 26 ноября в Ханском

дворце (Бахчисарай). Он взял на себя все полномочия Мусульманского исполкома, провозгласил воссоздание Крымской государственности по принципу народной республики, после чего объявил себя парламентом Крымского государства. Номан Челебиджихан возглавил правительство.

Однако в Севастополе, где были сильны позиции большевиков, левых эсеров и их сторонников (особенно среди матросов Черноморского флота, разделявших революционные убеждения), о взятии власти 16 декабря объявил Военно-революционный комитет. 4 января 1918 года большевики взяли власть в Феодосии, выбив оттуда крымско-татарские соединения, а 6 января – в Керчи. В ночь с 8 на 9 января Красная гвардия вступила в Ялту.

Пытаясь взять под свой контроль весь полуостров, 11 (24) января 1918 года Крымское правительство направило подчиненные ему войска на Севастополь, которые в ходе боев 12 (25) – 13 (26) января с красными потерпели поражение. После этого, 14 (27) января при поддержке Севастопольского отряда красногвардейцев и моряков Черноморского флота татарские формирования были выбиты из Симферополя. Д. Сейдамет бежал в Турцию, Н. Челебиджихан был арестован и 23 февраля этого же года в Севастополе он был без суда убит матросами.

19 марта 1918 года в Крыму была провозглашена Советская Социалистическая Республика Тавриды. Таврический Центральный исполнительный комитет, избранный на I Учредительном съезде Советов, ревкомов и земельных комитетов Таврической губернии (проходил в Симферополе 7–10 марта 1918 года), объявил своими декретами от 19 и 21 марта о создании Таврической ССР. На съезде также был сформирован Совет народных комиссаров Таврической ССР, в который вошли 8 большевиков и 4 левых эсера. Руководителем СНК был избран А.И. Слуцкий. Председателем ЦИК стал Жан Миллер.

Центральный исполнительный комитет и СНК Таврической ССР, исполняя декреты советской власти, приступили к конфискации крупных земельных угодий и национализации промышленности. В марте-апреле 1918 года СНК Тавриды отправил центральным областям Советской России свыше 5 млн пудов провизии. Однако советская государственность в Крыму просуществовала недолго. Нарушив условия Брестского мирного договора, немецкие войска и их союзные украинские формирования стягивались к Крымскому полуострову, готовясь к вторжению. При этом правительство Украинской Народной Респу-

блики рассчитывало включить Крым в состав самопровозглашенного украинского государства.

18 апреля 1918 года украинские войска под командованием полковника П. Ф. Болбочана вторглись на территорию республики. За ними в Крым вошли немецкие войска. 21 апреля 1918 года большинство членов ЦИК и СНК Таврической ССР, включая Антона Слуцкого и главу губкома РКП(б) Яна Тарвацкого, были арестованы поднявшими мятеж крымскотатарскими националистами в селении Биюк-Ламбат (Большой Маяк), перевезены в Алушту, 22-23 апреля подвергнуты пыткам и издевательствам, а 24 апреля – расстреляны на окраине Алушты. 30 апреля 1918 года Советская Социалистическая Республика Тавриды была ликвидирована.

Однако планы украинской политической элиты по присоединению Крыма не увенчались успехом, т.к. немецкое правительство отказалось передавать Крым Украине, рассчитывая самим закрепиться в этом стратегическом регионе. По соглашению между Киевом и Берлином 27 апреля украинские части покинули Крым. К 1 мая 1918 года германские войска оккупировали весь Крымский полуостров.

Формально немцы передали управление полуостровом автономному Крымскому краевому правительству, которое возглавил бывший генерал российской армии Сулейман Сулькевич. В декларации «К населению Крыма» провозглашалась самостоятельность полуострова, вводилось гражданство Крыма и государственная символика, ставилась задача создания собственных вооруженных сил и денежной единицы. Столицей был объявлен Симферополь. Вводилось три государственных языка: русский, крымскотатарский и немецкий. Восстанавливалась частная собственность.

Вся деятельность правительства находилась под полным контролем германского оккупационного командования. В июле 1918 года правительственная делегация под руководством В.С. Татищева посетила Берлин с целью добиться признания германским правительством независимости Крыма, получить от него займы и установить торговые отношения с Германией. Негласно германскому правительству была также предложена докладная записка Крымскотатарской дирекции о создании Крымского ханства (под покровительством Германии и Турции). Эти предложения поддержки в Берлине не получили, т.к., с одной стороны, немцы не желали усиления Османской империи в Черноморском регионе (рассматривая его как свою сферу влияния), а, с другой,

намеревались использовать статус Крыма в качестве условий торга с советским правительством.

Отношения Крыма с правительством украинского гетмана П. Скоропадского (также немецкого ставленника) изначально не сложились. В интервью одной из ялтинских газет Сулькевич сказал: «Мое правительство не было ни за Украину, ни против нее, а стремилось лишь к установлению добрососедских отношений [...]. После того, как я сообщил в Киев о моем новом назначении, я неожиданно получил от украинского правительства телеграмму, адресованную мне как «губерниальному старосте» на украинском языке. Я ответил, что я не «староста», а глава правительства самостоятельного края, и что я прошу установить сношения между нами на общественном языке – на русском. Этот мой поступок объявили в Киеве «разрывом дипломатических отношений». Мы, то есть крымское правительство, послало своего уполномоченного в Киев для установления экономического соглашения, но оно там натолкнулось на абсолютно закрытые двери».

В сентябре – октябре прошли крымско-украинские переговоры в Киеве. Украинская делегация предложила Крыму войти в состав Украины на правах предельно широкой автономии. Крымская делегация вынесла контрпредложение: создание федеративного союза. К соглашению прийти не удалось. Во многом в срыве переговоров были заинтересованы немцы, рассчитывавшие использовать возникавшие противоречия для упрочения своего господства на Украине и в Крыму.

Однако в ноябре 1918 года Первая мировая война завершилась поражением Германии и ее союзников. Революционные события в Германии заставили немецкое командование вывести свои войска за пределы захваченных земель Российской империи. После ухода немцев правительство С. Сулькевича стало терять влияние. Сулькевич 14 ноября 1918 г. подал в отставку.

15 ноября на съезде представителей городов, уездных и волостных земств был сформирован новый (второй) состав Крымского краевого правительства во главе с видным общественным деятелем дореволюционной России Соломоном Крымом.

Правительство поспешило установить союзнические отношения с белогвардейской Добровольческой армией генерала А.И. Деникина, в Крыму был объявлен военный призыв в ее ряды. В Крым вводились части Добровольческой армии. По соглашению с правительством они не должны были вмешиваться во внутреннюю жизнь полуострова. Од-

нако было много несогласованных с правительством действий, а также случаев неконтролируемого поведения белых военнослужащих с актами запугивания, ограблениями или даже убийствами. Так, белыми офицерами были убиты представители буржуазии Гужон и Титов, а также много участников оппозиционного профсоюзного или социалистического движения. Особых размеров новый террор достиг в Ялте. Краевое правительство не вмешивалось в террор белой армии и не осуждало такие действия.

Правительство отвергло курс на самостоятельность полуострова, проводимый Первым Краевым правительством, своей задачей считало сближение со всеми государственными организациями, которые стремились к «воссоединению единой России», восстановление органов «общественного самоуправления» и переизбрание их согласно с законами Временного правительства, созыв Крымского краевого сейма, проведение решительной борьбы с большевизмом с целью прекращения роста его влияния на массы.

Правительство С. Крыма, в составе которого были четыре кадета, эсер и меньшевик, приняло некоторые меры для улучшения положения населения полуострова. Было издано распоряжение о разрешении деятельности профсоюзов, создана комиссия по вопросам труда. Отменена цензура печати, недемократический цензовый принцип выборов местной власти. В декабре 1918 г. принято решение о возвращении жителям Крыма денег, изъятых большевиками в виде контрибуций. Рассматривались меры по компенсации убытков, которые были у владельцев заводов и фабрик. Было восстановлено обращение ценных бумаг.

Однако экономическая ситуация ухудшалась, началась катастрофическая инфляция. Этому способствовала также отмена государственных цен на закупку хлеба, которая была введена правительством Сулькевича. Начался выпуск новых денег. Одновременно с ними в ходу были разнообразные денежные единицы: «романовки», «керенки», донские бумажные деньги – «колокольчики», украинские рубли, немецкие марки, французские франки, английские фунты, американские доллары, купоны от разных процентных бумаг, займов, лотерейные билеты, напечатанные правительством С. Крыма) и др. Начали закрываться предприятия, росла безработица – все это привело к росту популярности большевистских взглядов среди населения. С февраля

1919 года правительство из-за падения своей популярности и роста революционных настроений среди жителей полуострова было вынуждено отойти от демократии. Снова была введена цензура, а в оппозиционных организациях проводятся обыски.

Сразу же после отмены Брестского мира Москва начала посылать в Крым агитаторов и организовывать партизанские отряды. Был создан подпольный областной революционный комитет для подготовки вооруженного восстания. В конце 1918 – начале 1919 года партизанские отряды возникли почти во всех крымских городах. С ними боролись войска Добровольческой армии и Антанты.

26 ноября эскадра из 22-х французских, английских, греческих и итальянских кораблей приходит в Севастополь. Остались здесь преимущественно французские и греческие корабли. Базой союзников стал Севастополь, небольшие отряды базировались в Евпатории, Ялте, Феодосии и Керчи. Правительство Крыма просило разместить войска Антанты еще и на Перекопе, но лишь в марте 1919 года, когда было уже поздно, несколько тысяч греческих солдат перебросили туда. Количество французских и греческих солдат до марта 1919 года составляло более 20 тысяч.

Главной задачей войск Антанты была охрана важных объектов и патрулирование проблемных территорий (рабочие, среди которых были сильные большевистские симпатии, оказывали сопротивление иностранным войскам: отказывались ремонтировать их корабли, частыми были вооруженные нападения на иностранных военных). Было проведено несколько успешных операций по поимке большевистских партизан.

Во время наступления большевиков в апреле 1919 года войска Антанты не смогли противостоять им. После взятия Перекопа французские войска начали покидать Крым. В рядах французских солдат был невысокий боевой дух, поскольку они не хотели воевать на чужих землях. Когда 15 апреля Красная армия подошла к Севастополю, французские войска отказались оказывать сопротивление, а на трех французских кораблях («Мирабо», «Жан Марс», «Франс») были подняты красные флаги. Восставших французских моряков обстреляли греческие войска, но, подавив восстание внутри войск Антанты, не было уже и речи о том, чтобы сопротивляться большевикам. 29 апреля 1919 года последние корабли Антанты покинули Севастополь. Как и немцы, при отступлении французы грабили местное население.

В апреле 1919 года части Украинской Красной армии заняли Крым, вытеснив с его территории (за исключением Керченского полуострова) белогвардейцев и англо-французских интервентов. 3-я Крымская областная конференция РКП(б), проходившая в Симферополе 28–29 апреля 1919 года, приняла постановление об образовании Крымской Советской Социалистической Республики. 5 мая 1919 года было сформировано Временное рабоче-крестьянское правительство КССР, которое возглавил младший брат В.И. Ленина Дмитрий Ульянов.

6 мая 1919 года была опубликована Декларация правительства, в которой провозглашались задачи республики: создание регулярной Красной армии, организация советской власти на местах и подготовка съезда Советов. Декларация объявляла КССР не национальным, а территориальным образованием, заявляла о равноправии всех национальностей в Крыму, о национализации промышленности и конфискации помещичьих, кулацких, церковных земель. Были предприняты усилия по восстановлению выпуска продукции на кожевенных, консервных заводах, табачных фабриках. Правительство РСФСР профинансировало деятельность по восстановлению курортов.

В этот период массового террора удалось избежать, хотя в Крым вернулись ревкомы, зарекомендовавшие себя проводниками террора в прошлом, и, впервые, – 14 апреля 1919 года – спустя всего 3 дня после вступления красных войск в Симферополь, – была образована Крымская чрезвычайная комиссия (КрымЧК). Кроме нее в Крыму действовали шесть прифронтовых ЧК и несколько особых отделов. Одновременно Крым был покрыт сетью городских и уездных ЧК. Кроме ЧК и особых отделов, карательные функции осуществляли военные коменданты.

Особенностью крымских условий в этот период было то, что в политической жизни полуострова, кроме большевиков, открыто принимали участие другие левые партии Крыма – эсеры, меньшевики, анархисты. Хотя военное командование дислоцированных в Крыму советских войск и настаивало на «более решительных мерах» в отношении реальных и мнимых врагов советской власти, многие местные руководители твердо противились самочинным расправам. Еще одной особенностью описываемого периода было то, что большевистский центр не смог прислать в Крым своих назначенцев, а местные большевики не были заинтересованы в жестоких репрессиях. Многие акты насилия совершались пришлыми кадрами (по линии Крымской красной армии).

Крымский исследователь Д.В. Соколов писал, что называть период большевистского правления в Крыму в 1919 году «бескровным» можно лишь в сравнении с иными периодами господства большевиков в Крыму – террор и репрессии были, но они были не такими масштабными. Так, на одном из заседаний Совнаркома Крымской ССР в мае 1919 года обсуждался вопрос о «массовых неоправданных расстрелах, проведенных органами ЧК в Крыму». Было принято решение вместо органов ЧК образовать в Крыму Особый отдел при Реввоенсовете Крымской Красной армии, а по факту расстрелов, произведенных органами ЧК, провести расследование. Реорганизация была произведена в июне 1919 года: в основных городах Крыма были образованы контрольные пункты указанного Особого отдела, которые взяли на себя функции одновременно органов военной контрразведки и местных ЧК.

Известно и о случаях неконтролируемых властями репрессий – так, за несколько дней до Пасхи 1919 года, рядовые красноармейцы отвели на пустырь настоятеля храма великомученика Георгия Победоносца в Армянске протоиерея Владимира Веселицкого, где привязали его к столбу веревками и стали подвергать мучительным пыткам, от чего священник умер. Его тело убийцы бросили на городской площади и запретили хоронить.

С конца мая 1919 года в ходе успешного наступления войск А.И. Деникина у белых появилась возможность вновь овладеть территорией Крыма. 18 июня 1919 года в районе Коктебеля высадился десант Вооруженных сил Юга России под командованием Я.А. Слащёва. Крымский обком РКП(б) 23–26 июня 1919 года провел эвакуацию органов власти республики в Херсон и в Москву. В июне 1919 года Крым был занят белогвардейскими войсками.

Белые объявили о восстановлении таврической губернии и попытались реставрировать дореволюционные порядки. На некоторое время Крымский полуостров превратился в своего рода «оазис стабильности» среди бушевавшей Гражданской войны, однако линия фронта с каждым месяцем все ближе и ближе приближалась к Крыму...

В январе-марте 1920 года 4 тыс. бойцов 3-го армейского корпуса ВСЮР генерала Я.А. Слащёва успешно обороняли Крым от атак двух советских армий общей численностью в 40 тыс. бойцов при помощи остроумной тактики своего командира, раз за разом отдавая большевикам Перекоп, громя их уже в Крыму, и затем изгоняя из него обратно в степи. В конце марта остатки белых армий, сдав Дон и Кубань, эвакуировались в Крым. Ставка Деникина оказалась в Феодосии.

5 апреля Деникин заявил о своей отставке и передаче своего поста генералу Врангелю. В Севастополе был сформирован Совет при главкоме ВСЮР, получивший в августе официальное название «Правительство Юга России». 15 мая состоялся налет врангелевского флота на Мариуполь, в ходе которого был произведен обстрел города и увод некоторых судов в Крым. 6 июня части Слащева начали быстро продвигаться на север, заняв 10 июня столицу Северной Таврии – Мелитополь. 24 июня врангелевский десант на два дня занял Бердянск, а в июле десантная группа капитана Кочетова высадилась у Очакова. 3 августа белые заняли Александровск, но на следующий день вынуждены были оставить город.

В октябре 1920 года красные остановили наступление белых в Северной Таврии и нанесли им поражение. Врангелевские войска ушли в Крым и приготовились к обороне полуострова.

Красная армия 12 ноября 1920 года прорвала оборону на Перекопе и ворвалась в Крым. 13 ноября 2-я Конная армия под командованием Ф.К. Миронова заняла Симферополь. Основные врангелевские войска через портовые города покинули полуостров. В захваченном Крыму большевики учинили массовый террор, в результате которого погибло, по разным данным, от 20 до 120 тысяч человек.

Автономная Крымская Социалистическая Советская Республика в составе РСФСР была образована 18 октября 1921 года на части территории бывшей Таврической губернии. На основании декрета ВЦИК и СНК об автономии Крымской Советской Социалистической Республики она была образована «в границах Крымского полуострова из существующих округов: Джанкойского, Евпаторийского, Керченского, Севастопольского, Симферопольского, Феодосийского и Ялтинского»; вопрос о северных границах республики подлежал отдельному рассмотрению. Первая Конституция крымской автономии была принята 10 ноября 1921 года. Государственными языками были объявлены – татарский и русский.

В статье «К провозглашению Крымской республики», опубликованной 25 октября 1921 года в газете Народного комиссариата РСФСР по делам национальностей «Жизнь национальностей», утверждалось, что вопрос о создании национальной автономии в Крыму решался в условиях горячих споров, в ходе которых многие выступали за придание полуострову статуса области, однако в итоге было решено, «что заинтересованность всей Федерации в Крыму может иметь свои по-

ложительные результаты лишь в попутном удовлетворении насущных нужд местного коренного населения». «Нельзя было оставить без внимания то важное обстоятельство, что самая компактная часть крымской деревни – татары, составляющие вместе с немногочисленным пролетариатом городов базу советской власти в Крыму, в течение долгих лет подвергались физической и культурной деградации, благодаря тем экономическим условиям, в которые они были поставлены старым режимом», – говорилось в ней. Исходя из этого Центральная Советская власть для «вызова полного доверия со стороны коренного населения» и «непосредственной помощи и участия последнего в деле нового советского строительства» приняла решение о предоставлении ему «широких прав, которые позволили бы ему с достаточной свободой и гибкостью решительно приступить к разрешению ряда остро стоящих вопросов». Крымская республика была охарактеризована в статье как «закрепление максимума автономных прав и инициатив для широких трудовых масс коренного населения в деле их культурного и экономического возрождения».

Коренными национальностями в Крыму советской властью были признаны два народа: крымские татары («татары-крымчаки») и каримы. При этом в Крымской АССР был решен вопрос самоуправления всех крупных этнических групп полуострова в пределах их компактного расселения путем создания национальных районов и сельсоветов. В 1930-е годы из 20 районов Крыма шесть были национальными крымскотатарскими (Фоти-Сальский, Бахчисарайский, Балаклавский, Ялтинский, Алуштинский и Судакский), 2 – немецкими (Биюк-Онларский и Тельмановский), 2 – еврейскими (Фрайдорфский и Лариндорфский) и 1 – украинским (Ичкинский).

После жестоких потрясений и разрушений Гражданской войны начинался новый этап в истории Крыма и населявших его народов.

Перегуда (Деревяникина) Ирина Владимировна,
*член Общества потомков участников Отечественной войны
1812 года, член Союза писателей России*

ГРЕКИ БАЛАКЛАВЫ НА СЛУЖБЕ РОССИИ

Мне довелось появиться на свет в самом красивом городе мира, легендарном городе–герое Севастополе, через пять лет после его освобождения от фашистов. Город лежал в руинах, практически был сметен с лица земли, не осталось ни одного целого строения. Целью фашистов было не оставить камня на камне от этого прекрасного южного форпоста на Черном море. Под стены Севастополя, осада которого длилась 250 дней и дико раздражала немцев, в феврале 1942 года фюрер приволок самую огромную и мощную пушку в мире «Дору», вес снаряда этого монстра был 5-7 тонн, размещалась эта глыба на 2-х железнодорожных платформах, имела 2 подъемника только для снарядов. Обслуживало эту «Дуру» 1500 фрицев. С 5 по 17 июня 1942 года этой пушкой по городу было выпущено 48 снарядов, а пробивала эта гадина от 1 до 3 метров бетона. Какой ужас должны были испытывать защитники осажденного Севастополя, как не разверзлась земля под ногами фашистов? Но город чудом выстоял. Когда 9 мая 1944 года моряки Черноморского флота ворвались в обугленный город, картина была удручающая, они поклялись более никогда не допускать врага к Севастополю. В развалинах это раненого, обожженного города мы жили, выжили и были счастливы.

Моя бабушка Вера Дмитриевна Василевская (ур. Сатири) родилась в 1897 году в прелестной греческой деревушке Лаки Ялтинского уезда, около дивного древнего греческого городка Балаклава у Черного моря. Земли около Балаклавы после присоединения Крыма к России во 2-й половине XVIII века императрицей Екатериной Великой были выделены для служащих Балаклавского греческого пехотного батальона. Почти все наши предки были офицерами этого батальона. Служили под началом великих мореплавателей и полководцев Г.А. Потёмкина, А.Г. Орлова (Архипелагская экспедиция), А.В. Суворова, Ф.Ф. Ушакова, М.И. Кутузова. Это были целые династии, они были дворянами Таврической и Херсонской губерний, там же имели имения, и Лаки в том числе вблизи от когда-то разоренного турками небольшого визан-

тийского княжества Феодоро. В семье было 18 детей, к началу XX века осталось лишь шестеро. Четырех сестер бабули я застала, у всех были свои семьи, и они очень были дружны и помогали друг другу во всем, чего нельзя сказать об их потомках. Лет с десяти было принято в греческих семьях девочек брать в услужение к родственникам, бабулю взяли родные в Севастополь, сестру Лену родственники Ставрениуки в Балаклаву. Родители их рано покинули этот мир, и родственники опекали детей.

Вера работала, училась, вскоре вышла замуж. Ее муж Василевский Михаил Иванович служил на Черноморском флоте на прославленном эскадренном миноносце «Поспешный» машинистом. В 1917 году у них родился мальчик, его назвали Евгений. Вскоре Михаила Ивановича направили комиссаром на восстановление Самаро-Златоустовской железной дороги, через два года его убили басмачи. Бабушка с малышом отправилась домой в Крым. По дороге их несколько раз грабили, Вера все, что было у нее ценного, меняла на еду, переболела тифом. Бог милостив оказался к ним. С жуткими препятствиями они добирались до Севастополя. Волосы после болезни только отросли, и родные с трудом узнали в этой изможденной женщине свою Верочку, стали откармливать, отпаивать, помогали кто чем мог, а что было у кого в годы революционной смуты?

И вот греки, которым даже не разрешили носить свои фамилии, которых обижала власть, почти все остались и героически сражались в Великую Отечественную войну, защищая Родину от фашистской чумы. Дети в провинции университетов не заканчивали, но все были грамотными. Бабуля работала в газете «Красный Черноморец» – сегодня это любимая газета всех моряков «Флаг Родины». Редакция газеты до сих пор находится у Минной стенки, мы жили рядом на ул. Таможенной, д. 5. Бабушку все очень любили и уважали, после войны к нам часто, сбегав по лестнице, на минутку забегали сотрудники, журналисты, писатели, приносили что-то вкусненькое. Директор редакции Александр Кужавский был моим крестным. Бабушка работала корректором, а во время войны чем только не занималась!

22 июня 1941 года в 3 часа 07 мин. Севастополь одним из первых ощутил ужасы войны. Город проснулся от странного свиста и гула самолетов и содрогнулся от взрывов падающих бомб. Накануне были выпускные балы в школах, город веселился и радовался, и вдруг война. Мой дядя Женя уже служил на флоте. С первого до последнего дня

воевал, участвовал во всех героических операциях Краснознаменного Черноморского флота.

Василевский Евгений Михайлович служил на легендарном крейсере «Молотов», у которого во время страшного боя оторвало корму, Евгений чудом уцелел. Затем была канонерская лодка «Красный Андиган», которую подбили и она затонула у Новороссийска. Матросы не знали отдыха, перекурив, шли дальше в бой, дядя рассказывал, когда матросы поднимались в атаку в черных бушлатах, «фрицы» кричали: «Черные дьяволы!» – и бежали без оглядки, такой русские матросы наводили ужас на немцев. Дядя Женья со своим однополчанином Колей Моисейцевым из Москвы героически сражались с врагом, защищали город русской славы Севастополь. Они воевали на Малой земле, участвовали во многих десантных операциях. Когда к Севастополю, в июне 1942 года, не могли подходить большие корабли и подводные лодки, морские экипажи перевели на тральщики. Эти небольшие суда «КАТЩ-540», «КТ-262», «КТ-189» и другие обеспечивали город всем необходимым, доставляли военных, еду, боеприпасы, керосин и многое другое, на них служили товарищи Женья и Коля. Из разрушенного, обугленного, но державшегося из последних сил города, на свой страх и риск эти маленькие суда забирали раненых, женщин, стариков, детей и под непрекращающимися бомбежками уходили на Кавказ. В июле уже невозможно было подходить к берегу, под ураганным огнем, бесстрашно, даже можно сказать нагло, прямо под носом у фашистов выныривали из-под скал маленькие «труженики моря» и забирали изможденных, раненых защитников города с мыса Херсонес, с 35-й батареи и Казачьей бухты. Евгений Михайлович с горечью вспоминал те последние минуты, когда отплывали от берега, слезы наворачивались на глаза, море было красное от крови и черное от бушлатов и бескозырок убитых матросов, мирно плавающих в волнах их любимого моря. Вот так сражался родной город и моряки-черноморцы, не щадившие своих жизней.

За смелость, мужество и проявленный героизм Евгения Василевского выбрали комсоргом 22-й дивизии 2-й бригады тральщиков. После удачной высадки десанта в Феодосийско-Керченской операции и на Малую землю выживших моряков торжественно приняли в Коммунистическую партию, и они были этим очень горды. Евгения за заслуги перед Родиной и Черноморским флотом товарищи выбрали парторгом 11-го дивизиона катеров тральщиков.

Мои дяди Василевский Евгений Михайлович и Моисейцев Николай Николаевич (после войны дядя Женя женился на сестре друга Николая) – моряки Черноморского флота, герои боев за Севастополь, Новороссийск, Керчь и др. – после войны, когда собирались за праздничным столом 9 мая, первый тост был всегда за не вернувшихся с войны, однополчан, друзей, товарищей, оставшихся на полях сражений, вечно молодых, красивых. Под кителем всегда была тельняшка, а на кителе блестели ордена и медали. Орден Красной Звезды почитался особо, медали Ушакова, Нахимова, «За оборону Севастополя», «За оборону Кавказа» – в Москве такие медали редко встречались. А медаль «За Победу над Германией» гордо носили и дяди, и моя мама, потом было много других медалей. Дядя Женя с 1947 года жил в Москве, продолжал служить Родине, вырастил 2-х ребят. В 1997 году ушел от нас, с почестями захоронен на Даниловском кладбище. Дядя Коля ушел раньше. 10 лет назад не стало нашей любимой мамочки. Теперь они снова все вместе – мои ветераны, оба дяди и моя мама, думаю, им там хорошо, как жаль, что не могу у них узнать то, о чем при жизни не успела спросить.

Николай Моисейцев, коренной москвич, из очень известной московской купеческой династии, которые в 1812 году, когда Наполеон вероломно напал на Россию, по призыву императора Александра I помогали всеми имеющимися средствами армии и ополчению.

Еще один мой дядя до сих пор считается без вести пропавшим. Михаил Шевченко был летчиком, его самолет пропал над Керчью в 1942 году. Он кузен моей мамы, сын сестры, из династии Каликаки, Константиновы, Василькиоти. До революции все балаклавские греки были известными рыбаками, дружили с А. Куприным. Писатель снимал у бабушкиной сестры Елены и ее мужа Павлуши Каликаки часть дома и писал свои «Листригоны». Жили тихо, мирно, по традициям греков. Белые чистенькие домики на склонах гор, с беседками, увешанными гроздьями винограда, с цветущими садами на берегу удивительно маленькой уютной голубой балаклавской бухты. Вдали виднелись золотые купола Свято-Георгиевского монастыря, как с картин мифов Древней Эллады.

Недаром англичане устроили здесь свой лагерь во время Крымской войны и ласково называли свой лагерь «Маленький Лондон». Но судьба распорядилась иначе, весь цвет английской легкой кавалерии, представителей высшей аристократической знати Великобритании, по-

гибли в Балаклавском сражении 13 октября 1854 года. С тех пор люди называют место гибели цвета английской армии «Долиной смерти». На память о себе они оставили первый, проложенный в Балаклаву телеграф, впервые натянули в холод шапки на лицо, оставив только щелки для глаз и назвали шапку «Балаклава», потеряли уникальный пароход «Принц», впервые личный фотограф королевы Великобритании Фентон прибыл на фронт и оставил нам, потомкам, 360 снимков Балаклавы и героев войны.

С VI века до н.э. и раньше весь Крым населяли греки. Города Пантикапей, Кафа, Херсонес, Алустон, Судак, Ялта знали во всем мире, видимо, души тех греческих предков придавали силы бороться с врагами. Как и души Святого апостола Андрея Первозванного, покровителя русских моряков, его бело-синий стяг реет над всеми русскими кораблями, и князя Владимира, принявшего христианство в Херсонесе, и многих святых оберегают эти земли.

Под непрекращающимися бомбежками в годы Великой Отечественной войны мой двоюродный дедушка Каликаки Павел Константинович, руководитель рыболовецкого совхоза, бесстрашно выходил в море. И весь улов отдавал матросам, защищавшим город Севастополь. Даже будучи тяжелораненым, не пропускал ни дня, кормил изнемогавших от голода людей. Однако в июне 1944 года в 24 часа всю семью с малыми детьми отравили за Урал, на поселение, и больше не разрешили возвращаться в свои дома на родину.

В 1942 году произошла трагедия с греческой деревней Лаки, где родились все мои родные. Все мужчины деревни ушли воевать, многие в партизанский отряд Михаила Македонского, иногда наведывались узнать, как живут старики, женщины и дети. Их выследили татары, которые были полициями у фашистов, ненавидящие греков, и привели немцев в Лаки. 23 марта 1942 года фашисты ворвались в деревушку, зверствовали, даже страшно описывать те бесчинства, затем раненных, изувеченных людей согнали в храм и сожгли всех, не щадя никого. Сегодня это место называется «Крымская Хатынь». А ведь с середины XIV века на том месте существовало около 13 христианских греческих церквей. Остов одной церкви уцелел, и начинается возрождение храма, жизни и христианства.

В 1924 году Вера Дмитриевна вышла замуж второй раз за Деревяника Юрия Ефимовича, внука Деревяника Якова Осиповича, казака, атамана, сотника, героя Отечественной войны 1812 года. В рядах

Войска Донского Яков Осипович гнал французов до Парижа, участвовал во всех сражениях, у Бородино, под Малоярославцем, на Березине и др., под Лейпцигом был ранен, за проявленный героизм получил Св. Георгия 3 ст. С войсками армии-победительницы вернулся в 1814 году домой на Дон, награжден орденами Св. Анны 3-й степени, «За храбрость», «За спасение Отечества» и др. Мой дедушка Юрий Ефимович служил в Севастополе на судах «Коминтерн», на эскадренном миноносце «Незаможник», на эсминце «Петровский», на крейсере «Червона Украина». Член ВКП(б). Его брат Михаил Ефимович Деревянкин боролся с басмачами, награжден именным боевым оружием, золотыми часами, 5-тью скакунами элитных пород, персональным «Мерседесом», его фамилия выбита золотыми буквами на гранитной плите в Мемориальном Храме Русского Воинства Преподобного Ильи Пророка в музее Западного УВДТ в Калининграде.

Как я уже писала, моя бабушка Вера Дмитриевна работала в газете «Красный Черноморец». С первых минут войны вся типография работала на фронт, стойко перенося все невзгоды 250-дневной обороны Севастополя, последним пароходом «Ташкент» была эвакуирована на Кавказ и вместе с армией перебиралась то в Сочи, то в Туапсе, то в Батуми и далее. Жизнь была тяжелая, бабуля поехала в эвакуацию со своей 16-летней дочерью Юлией. Мама работала с 22 июня 1941 года в редакции. В Севастополе судьба не дала детям другого выбора, кроме как защищать свою страну, вчерашние школьники пробивали ломami оборонительные сооружения в скалах, помогали раненым. Молодежь была на подхвате, выполняли все поручения, в том числе и в газете. Бабуля хорошо знала всех журналистов, писателей, корреспондентов, кинооператоров, репортеров, в том числе и гениального оператора Микосшу, она рассказывала, какие это были интересные, героические, умные и талантливые люди, они много шутили, смеялись даже когда хотелось плакать, отчаянные, напористые, смелые, молодые всегда шли напролом. Как жаль, что многие из них так и остались молодыми навсегда.

Моя мама Деревянкина Юлия Юрьевна, инвалид 1-й группы, ветеран Великой Отечественной войны, была безумно скромным человеком, старалась не вспоминать потерянную юность, у нее вся грудь была в медалях, на 9 мая всегда с грустью вспоминала свой любимый город.

Я, Деревянкина Ирина Владимировна, по мужу Перегуда, уехала из Севастополя в 1969 году. Севастополь для меня – это самое счастливое время в жизни, где каждый камень был героем, мы, дети, росли, пропитанные героизмом.

Мне было на кого равняться, было с кого брать пример. По праву могу гордиться своими родственниками – героями Великой Отечественной, Крымской (Восточной), Русско-турецких войн, в сражениях которых участвовали мои предки – греки, офицеры Балаклавского греческого батальона, позже адмиралы и генералы Черноморского флота – Ставраки М.И., Сатири Е.Н., Антипа С.А., Бардаки П.И., Палеолог А.Э., Василькиоти С., Каликаки П.К., Константиновы; двоюродным прадедом Бамбука Георгием Ивановичем, чей портрет выставлен в Панораме Первой обороны Севастополя 1854–1855 гг. Георгию было 18 лет, когда он, мальчик, 14 сентября 1854 года у Балаклавы взял «языка», потом участвовал во всех сражениях Крымской войны, за что награжден орденами Св. Георгия 4-й, 3-й и 2-й степеней. Горжусь своим прапрадедом Яковом Осиповичем – героем Отечественной войны 1812 года, моими дядями Женей, Николаем, Михаилом, моей бабушкой и мамой, теперь моя мечта написать о подвигах моих родных книгу. Думаю, что они заслужили остаться в памяти их родной страны России и их любимого легендарного города – Героя, города – Исполина, города – Морской Славы – СЕВАСТОПОЛЯ.

Слава Героям Севастополя и всем Героям Великих войн России!
Вечная им Память.

Ознобишина Татьяна Николаевна,
*архитектор-реставратор высшей категории,
почетный реставратор Санкт-Петербурга,
ведущий архитектор ОАО «Институт
«Ленпроектреставрация», член Санкт-Петербургского
союза архитекторов России.*

ИЛЬЯ ИВАНОВИЧ ОЗНОБИШИН – УЧАСТНИК СРАЖЕНИЙ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1787–1790 гг.

В конце XVIII века решалась судьба отношений России и Крыма. Вторая Русско-турецкая война началась в 1787 г. Турция, пользуясь поддержкой Великобритании, Франции и Пруссии, выдвинула России ультиматум с требованием восстановления независимости Крымского ханства. 13 августа 1787 г., получив отказ, Турция объявила России войну. Блестящая победа нашей страны в этой войне и последовавшее за этим в 1791 году заключение Ясского мира закрепили Крым окончательно за Россией.

Основные боевые действия происходили на Черном море.

И именно с этими событиями тесно связана судьба моего прапрадеда – капитана Российского флота Ильи Ивановича Ознобишина. Он родился 20 июня 1757 г. в дворянской семье. Поступил в Морской кадетский корпус 19 августа 1769 г. и был выпущен в гардемарины в 1774 году.

С этого времени, как свидетельствуют документы, он «находился в походах на разных кораблях на море в 19 кампаниях с 1774 по 1798 год и в сражениях против неприятельского турецкого флота пять раз»². Карьера морского офицера началась на Балтике. В 1783 году он был переведен с Балтийского на Черноморский флот. К началу русско-турецкой войны, т.е. к 1787 году, Иван Иванович состоял уже в чине капитан-лейтенанта и в период 1787–1788 гг. был командиром парусного 44-пушечного фрегата «Перун»³.

Первое большое сражение, в котором участвовал И.И. Ознобишин в чине капитана 2-го ранга, командуя фрегатом «Перун», было сраже-

---

² РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 88-1, л. 98.

³ Общий Морской список. СПб, Часть 4, 1890 г., с. 493–494.

ние с турецким флотом у о. Фидониси 3 июля 1788 г. под командованием контр-адмирала Войновича и бригадира Ушакова. Всего в сражении участвовало 13 фрегатов. Силы турецкого флота превосходили российские почти в три раза. И именно находчивость и смелый маневр Ф. Ушакова, который нарушил каноны линейной тактики, обеспечили эту победу. Турецкий флот был вынужден отступить. Задача русского флота по поддержке сухопутных войск под Очаковым (который был взят только 6 (17) декабря 1788 года) фактически была выполнена. Безоговорочное господство турецкого флота на Черном море завершилось.

Императрица Екатерина II 28 июля восторженно писала Потёмкину: «Действие флота Севастопольского меня много обрадовало...».

В 1789 году Ф. Ушаков получил под свое командование Севастопольскую эскадру и вскоре, в 1789 году, Севастопольская и Днепровская эскадры были объединены в единый Черноморский флот, в 1790 году Ф.Ф. Ушаков был назначен его командующим.

8 (19) июля произошло первое сражение Ф.Ф. Ушакова в качестве командующего Черноморским флотом, которое вошло в российскую историю под названием Керченского.

В 1789 году капитан 2-го ранга И.И. Ознобишин стал командиром 40-пушечного фрегата «Покров Богородицы» и участвовал в этом сражении в составе Черноморской эскадры⁴. Была одержана победа и сорваны планы турецкого командования по захвату Крыма.

Екатерина Вторая писала на юг главнокомандующему: «Победу Черноморского флота над турецким мы праздновали вчерась молебствием в городе у Казанской, и я была так весела, как давно не помню. Контр-адмиралу Ушакову великое спасибо прошу от меня сказать и всем его подчиненным».

Вскоре после Керченского последовало сражение у мыса Тендра 8–9 сентября 1790 г. Сформированная близ Очакова эскадра адмирала Ф.Ф. Ушакова должна была дать бой Гасан-паше, который намеревался взять реванш за поражение в битве у Керченского пролива и сосредоточил для этого между Гаджибеем (ныне Одесса) и мысом Тендра все свои силы. В этом сражении у Тендровской косы у турок было больше огневой силы: 1400 пушек против 830-ти.

Здесь командир фрегата «Покров Богородицы» И. Ознобишин принял самое действенное участие.

---

⁴ Там же.

Неожиданный маневр Ушакова с участием трех фрегатов в числе которых был и командуемый И.И. Ознобишиным «Покров Богородицы», решил исход операции. Это – оперативный резерв, который сковал действия противника. Общие потери турок превысили 2000 человек, в т.ч. свыше 700 пленными. Русская эскадра потеряла 21 человек убитыми и 25 ранеными. Победа у Тендры обеспечила господство Российского флота на Черном море в кампании 1790 года. Это сражение стало символом воинской славы России.

Ф. Ушаков рапортовал об исходе этих операций: «Флот Черноморский (...) в течение минувшего 790-го лета имел счастье с соблюдением совершенного порядка славно выиграть две генеральные баталии против несравненно превосходящего неприятеля. Первую июля 8 дня, в которой весь отборный гребной флот неприятельский разбит и едва успел бегством при ночной темноте спасти от рук наших весьма поврежденные свои корабли. Вторую августа 28 и 29-го в которой так же весь весьма превосходный неприятельский линейный и гребной флот разбит совершенно и рассыпан, адмиральский корабль взорван на воздух, другой и с ним несколько судов потоплены, и один большой корабль с несколькими судами взяты в плен»⁵.

В списке «отлично рекомендованным за множественные подвиги и храбрость, оказанную в сражении флота неприятельского августа 28 и 29 дня между Тендрой и Хаджибеем, в которое время флот неприятельский при генеральной баталии разбит и рассыпан» среди командиров кораблей и фрегатов – командир фрегата «Покров Богородицы» флота капитан 2-го ранга Илья Ознобишин⁶.

9 февраля 1791 г. Илья Иванович Ознобишин «За усердную службу и храбрые подвиги в сражениях и победах 1790 года августа 28-29 держанных Российским Черноморским флотом над турецкими превосходящими силами» был всемилостивейшее пожалован кавалером ордена Святого Равноапостольного князя Владимира 4 степени с бантом⁷.

Орден Владимира 4-й степени с бантом как боевая офицерская награда, стоял только на ступень ниже ордена Св. Георгия 4-го класса, ценился особо.

Но одним из главных сражений в военной карьере И.И. Ознобишина было сражение у мыса Калиакрия 31 июля (11 августа) 1791 года:

⁵ РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 60, лл.335–335 об.

⁶ РГА ВМФ, ф. 197, оп. 1, д. 60, л. 336.

⁷ ГАТО, ф. 161, оп. 1, д. 1703, л. 2.

В этом сражении капитан 2-го ранга Ознобишин командовал 46-пушечным фрегатом «Царь Константин». Мыс Калиакрия расположен в Болгарии, в переводе с греческого его название означает «красивый мыс». Тонкий мыс – болгары называют его «носом» – на два километра врывается в море. Эскадра направилась на запад и в полдень 31 июля обнаружила турецкий флот, стоящий на якоре близ мыса Калиакрия под прикрытием береговой батареи. Турки имели 18 кораблей, 10 больших линейных фрегатив и полсотни других судов. На турецкой эскадре находился алжирский паша, известный в Средиземном море пират Сеит-Али, давший обещание султану привезти Ушакова в Константинополь в клетке.

Авангард турецкого флота был окружен тремя русскими линейными кораблями, следовавшими за Ушаковым. Боевая линия турецких кораблей была разбита, они оказались настолько стеснены, что сталкивались и стреляли друг в друга. При начале же ночной темноты флот неприятельский был совершенно разбит, корабль самого Сеит-Али, войдя на рейд, стал на виду у всех тонуть и пушечными залпами просить о помощи...

«Великий! Твоего флота больше нет», – доложили турецкому султану.

Вид части флота, вернувшейся из сражения, с разрушенными кораблями без мачт и огромными потерями, заставил Турцию ускорить мирные переговоры. 5 августа Ушаков снялся с якоря, намереваясь плыть к Босфору, чтобы искать разбитый турецкий флот и захватить либо потопить и сжечь его. Однако 8 августа вблизи Варны русский флот был встречен турецким судном, которое на своем борту несло сообщение о заключении перемирия и прекращении боевых действий.

29 декабря 1791 года (9 января 1792 г.) в Яссах был подписан мирный договор. Российское государство «твердою ногою встало на берегах Черного моря». В память победы россиян при Калиакрии на скалах этого болгарского полуострова был установлен памятный знак.

31 августа 1792 года Илья Иванович Ознобишин «За усердную в службу храбрые и мужественные подвиги Всемиловнейшее пожалован кавалером ордена св. Великомученика Победоносца Георгия 4 класса»⁸. Причем этот орден Ушаков вручил ему лично.

И.И. Ознобишин служил затем на флоте еще несколько лет и был произведен в чин капитана 1-го ранга 1 января 1796 года⁹.

⁸ ГАТО, там же.

⁹ ГАТО, там же

Имя Ильи Ивановича Ознобишина в свое время можно было видеть и на карте Крыма. Хутор Ознобишино – это один из топонимов Севастополя. Он находился в Нахимовском районе на выезде из Севастополя по улице Горпищенко. История хутора начинается еще в конце XVIII века, когда Федор Ушаков начал раздавать земли в окрестностях Севастополя под строительство домов старшим офицерам. На этих земельных наделах офицерам предписывалось вести приусадебное хозяйство, выращивать овощи для улучшения питания своих экипажей. Так земельный надел получил Илья Иванович Ознобишин.

Позже этим хутором владел Дергачев, и он был переименован в Дергачи¹⁰.

Андрей Зайончковский в своем историческом путеводителе по Севастополю писал так: «По дороге к Инкерманскому полю сражения в шести верстах от Севастополя находится небольшой хуторок Ознобишино, более известный под названием Дергачева хутора. Здесь был у французов многолюдный торговый поселок лагеря и там же находился и небольшой театр»¹¹.

В 1798 году 11 октября Илья Иванович перешел в статскую службу – определен обер-форшмейстером в Воронежскую губернию с переименованием в статские советники. 16 ноября 1804 г. он был назначен вице-губернатором в Тамбовскую губернию и находился в этой должности до 19 ноября 1811 г. В 1807 г. за успешное исправление вице-губернаторской должности И.И. Ознобишин был награжден орденом Св. Анны 2-й степени и произведен в действительные статские советники¹².

1 января 1813 года по собственной просьбе он был уволен от службы¹³, однако еще многие годы исполнял обязанности тамбовского губернского предводителя дворянства – 14.12.1812–17.12.1815 и 19.12.1821–1830 гг.

Илья Иванович очень много сделал для развития Тамбовской губернии. Свидетельство этому – орден святой Анны 2-й степени с алмазными знаками, который был ему пожалован 29 сентября 1824 г., орден Св. Анны 1-й степени – 16 сентября 1826 г., и также многие вы-

---

¹⁰ Е. Шацко, «Краеведение: хутор Дергачева», «Севастопольская газета», блог, 28.02.2012.

¹¹ Исторический путеводитель по Севастополю, ред. Зайончковский, СПб., 1907, с. 123.

¹² РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 88-1, л. 98.

¹³ ГАТО, ф. 161, оп. 1, д. 1650, л. 2.

сочайшие благодарности¹⁴. Его имя с признательностью земляки вспоминают по сей день.

Некоторое время назад нами выявлен портрет Ильи Ивановича Ознобишина. На большом портрете изображен седовласый господин с алой орденской лентой через плечо. Грудь его украшают многие награды, полученные за долгие годы беспорочной службы на благо Отечества, но главной из них считал он орден святого Георгия за победу при Калиакрии. Победу, которая принесла мир на юге России и окончательно закрепила ее позиции на Черном море.

Илья Иванович скончался 20 декабря 1830 года. Похоронен он в некрополе Спасо-Преображенского собора Тамбова рядом с женой¹⁵.

---

¹⁴ РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 88-1, л. 98.

¹⁵ Кученкова В.А. Тамбовские городские некрополи [Текст] / В.А. Кученкова. – Тамбов: Пролет. светоч, 2001.

Тверитинов Алексей Дмитриевич,
*член Союза писателей России,
действительный член Русского Дворянского Собрания,
действительный член Общества потомков участников
Первой мировой войны, архитектор, ветеран труда*

ВЗГЛЯД НА ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ КРЫМА И СЕВАСТОПОЛЯ ЧЕРЕЗ ИСТОРИЮ ОДНОГО ИЗ РЯЗАНСКИХ РОДОВ

История, культура и современность Крыма и Севастополя неразрывно связаны с историей и традицией многих современных российских семей, родов и просто частных человеческих судеб. Об одном из таких характерных примеров, огромное множество которых проявило себя в истории нашей страны, и повествует нижеследующий рассказ как лепта, внесенная в сокровенный вопрос: «Чей все-таки Крым?..».

Если окинуть мысленным взором жизнь морских офицеров и через призму генеалогии взглянуть в судьбы их семей, осевших в Кронштадте, Петербурге, Севастополе и других базовых флотских городах, то убеждаешься, что весь российский флот с его личным составом чуть ли не полностью зарождался в российской глубинке. В немалой степени это относится и к Рязанской земле.

Одним из примеров тому может служить старинный дворянский род Тверитиновых¹⁶, имеющий глубокие рязанские корни.

Как и положено дворянам, Тверитиновы преимущественно были военными. Достоверно известно, что пятнадцать человек связали свои судьбы с морем и служили на различных военных флотах Российской империи. Причем, некоторые из Тверитиновых обратили морское дело в семейные традиции. Четверо стали генералами по Адмиралтейству. Двое из них приняли действенное участие в самых блистательных и самых драматических событиях Черноморского флота – его рождении и его жертвенности, строительстве Севастополя и его последующей героической обороне. Это генерал-майор по Адмиралтейству Алексей

¹⁶ Ударение на первое «и».

Тверитиновы: <<https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%B2%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B8%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D1%8B>>

Владимирович (1742–1798) и генерал-лейтенант по Адмиралтейству Сергей Алексеевич (1820–1885) Тверитиновы.

Алексей Владимирович Тверитинов и зарождение Севастополя

Алексей Владимирович появился на свет в 1742 году в древнем яранском родовом имении Гласково, а свой жизненный путь закончил в 1798 году в Севастополе.

Мы не располагаем данными, почему сын боевого пехотного офицера, жестоко израненного и отставленного по этой причине от службы, решил стать моряком – первым моряком в роду Тверитиновых, положив начало морской династии, в четырех поколениях дававшей офицеров российскому флоту и отличившейся в истории Отечества своей созидательной деятельностью.

Алексей Владимирович Тверитинов посвятил свою жизнь возрождению Азовского, созданию и становлению Черноморского флотов. Его служебная биография представлена в Русском биографическом словаре «деятелей, отличившихся на службе Отечеству и заслуживших право на память в потомстве» и ряде других публикаций. В 1761 году гардемарин Алексей Владимирович участвовал в морской осаде Кольбергской крепости во время Семилетней войны, в которой участвовал и его отец. Затем был направлен в Азовскую флотилию. Летом 1773 года Алексей Владимирович сражался с турецким десантом у Балаклавы, а летом 1774 года он принял серьезное боевое крещение при защите Керченского пролива от турецкого флота, который более чем втрое превосходил силами русскую эскадру, но в результате ожесточенного боя ретировался с уроном.

После окончания войны, командуя различными военными судами, Тверитинов приобрел значительный опыт в морском деле. Начиная с 1777 года, уже в чине капитан-лейтенанта, он занимался подготовительными работами по возрождению Азовского флота – исследованием и описью корабельных лесов, промерами глубин реки Донец на предмет проходимости судов, выбором мест для постройки верфей. Так при его непосредственном участии вновь создавался Азовский флот – краеугольный камень будущего русского Черноморского флота.

Благие дела начались с командировки Алексея Владимировича в 1777 году в Москву за церковной утварью для храма Святого Николая Чудотворца в Таганроге – покровителя моряков и путешественников. Затем Алексей Владимирович приступил к исследованию и составлению описей лесов в Изюмской и Бахмутской провинциях и в средней

полосе России, в частности в Воронежской губернии¹⁷ – основном центре судостроения с петровских времен. Леса средней полосы оказались наиболее подходящими требованиям флота. А это значит, что даже само тело каждого боевого корабля состояло из родного, глубинного, исключительно русского леса.

В 1783 году, командуя фрегатом «Крым», Алексей Владимирович, в составе группы кораблей, участвовал в первом подробном исследовании Ахтиарской бухты. Результатом исследования было подтверждение необычайного удобства этой гавани для возможности размещения в ней вплоть до 100 линейных судов. Здесь в том же году была основана русскими моряками главная база будущего Черноморского флота и заложен город, в строительстве которого Алексей Владимирович Тверитинов принял самое непосредственное участие¹⁸. При этом он оставался командиром фрегата «Крым», теперь уже флагманского, так как на нем держался контр-адмиральский флаг. С июня 1783 года все подготовительные работы и возведение укреплений производились исключительно судовыми командами русских моряков¹⁹. Так зарождался легендарный Севастополь, что означает знаменитый город. Он действительно стал знаменит и славен делами русских моряков.

Боле семи лет Алексей Владимирович Тверитинов командовал фрегатом под названием «Крым». Накануне очередной русско-турецкой войны, в ночь на 9 сентября 1787 года фрегат «Крым» в жестоком шторме пропал без вести вместе со всей командой. Но провидению было угодно оставить Алексея Владимировича в живых. Незадолго до трагедии он получил новое назначение, а командование фрегатом «Крым» перешло в другие руки. Нет сомнений в том, что гибель фрегата «Крым» была для Алексея Владимировича большим ударом.

---

¹⁷ Описание, составленное капитан-лейтенантом А.В. Тверитиновым в 1778–1779 гг. по Воронежской губернии, помещено вместе с картой под № 52 в «Генеральный атлас, сочиненный из имеющихся при Адмиралтейской чертежной разных годов описей всякого рода лесам» 1782 года. Хранится в Рукописном отделе Российской Национальной библиотеки (Эрмитажное собрание, № 610).

¹⁸ И. Демьяненко. Страницы 230-летней истории Севастополя // Севастопольские известия (газета). – Севастополь, 2013. – № 28 (1548), 17 апреля 2013 г. – С. 5.

¹⁹ Свое имя город Севастополь получил только в феврале 1784-го, по указу Екатерины II. А в 1785 году было утверждено первое штатное расписание уже новообразованного Черноморского флота из 2-х тысяч первых моряков, среди которых был и капитан II ранга Алексей Владимирович Тверитинов.

К началу русско-турецкой войны 1787–1791 годов Алексей Владимирович имел чин капитана I ранга и должность советника Черноморской интендантской экспедиции, основной задачей которой в то время являлась постройка верфей и судов со всем сопутствующим хозяйством и производством. В тяжелых военных условиях Алексей Владимирович своей деятельностью обеспечил успешное развитие Черноморского флота, за что в 1790 году Екатериной II был произведен в капитаны бригадирского ранга и вскоре назначен на должность обер-штер-кригскомиссара. В 1796 году Алексей Владимирович Тверитинов был произведен в генерал-майоры по Адмиралтейству и служил до кончины в составе Адмиралтейской коллегии. Там, в Севастополе, он и похоронен.

Из потомков Алексея Владимировича отдельного внимания заслуживает насыщенная приключениями служебная биография его старшего сына Федора Алексеевича Тверитинова, полковника по Адмиралтейству и кавалера ордена Св. Георгия 4-й степени, как и отец, достойно служивший флоту и России. Федор Алексеевич участвовал во Второй Архипелагской боевой экспедиции 1805–1807 годов. В ходе русско-турецкой войны 1806–1812 годов Федор Алексеевич принял участие в 1807 году в Дарданелльском и Афонском (у Афонской горы) морских сражениях с турецким флотом. Федору Алексеевичу Тверитинову довелось участвовать и во многих других морских кампаниях.

Его сын – внук Алексея Владимировича Тверитинова капитан-лейтенант Николай Федорович Тверитинов участвовал в Арктической кампании Крымской войны 1853–1856 годов. Военные кампании против России, проводимые с целью нанесения ей как можно большего ущерба в ходе Крымской войны, предпринимались ее недругами на всех возможных направлениях, в том числе и с севера. Летом 1854 года Николай Федорович Тверитинов успешно защищал Поморье и Соловецкий монастырь от нападения английской эскадры со стороны Белого моря.

Большую пользу флоту и России принес и правнук Алексея Владимировича – также генерал-майор по Адмиралтейству Евгений Павлович Тверитинов (1850–1920) – основоположник судовой электротехники в России, в том числе впервые оборудовавший боевые корабли установками электрического освещения; первый русский светотехник, в том числе устроивший выдающуюся электрическую иллюминацию Московского Кремля в дни коронации Александра III; основатель рус-

ской аккумуляторной техники; изобретатель в области минного оружия; активный деятель во многих областях жизни русского общества, в том числе издававший флотские газеты; внесенный также и в Большую советскую энциклопедию (где, к сожалению, ударение в фамилии ошибочно показано на втором «и»). В судьбе Евгения Павловича был и Севастополь, куда его, еще лейтенанта, командировали из Кронштадта в конце русско-турецкой войны 1877–1878 годов как минного офицера с ответственным заданием. На судах «Веста», «Великий князь Константин», «Владимир» и «Пендераклия» он принял участие в операциях по оборонительному минированию на Черном море и минному заграждению Константинопольского пролива (Босфор)²⁰.

Евгений Павлович Тверитинов (1850–1920). Правнук Алексея Владимировича Тверитинова. Фото 1915 г.

Всего из рязанской отрасли рода Тверитиновых на российских флотах служило десять человек²¹, в том числе и автор этих строк, уроженец Рязани, служивший в начале 70-х годов прошлого века в морской пехоте Черноморского флота в Севастополе и ходивший на десантных кораблях²².

²⁰ РГАВМФ. Фонд 417. Описание 1. Дело 27686. – Полный послужной список генерал-майора по адмиралтейству Евгения Тверитинова, составленный 14 (27) июня 1905 г.; Д. Сергеев. Сын Кронштадта // Газета «Котлин». № 10 (6147) 2013 г.

²¹ А.Д. Тверитинов. Тверитиновы – моряки из рязанского дворянского рода // Российский флот и Рязанский край. (Историко-энциклопедический словарь). – Рязань, Издательство «Пресса», 2011. – С. 377 – 380.

²² Общим с морской династией Тверитиновых предком Алексея Дмитриевича является рейтар-копейщик Андрей Арсеньевич Тверитинов (1656 – после 1710). Он служил в жилецком чине и был внесен в «Боярский список» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Ед. хр. 59. Л. 399), составленный в 1712 году. Сын Андрея Арсеньевича и, также, прямой предок Алексея Дмитриевича Петр Андреевич Тверитинов (1685 – после 1755) служил вместе с младшим братом Борисом в Луцком (Великолуцком) драгунском полку и под водительством Петра I участвовал в Северной войне 1700–1721 годов за выход России к Балтийскому морю. Затем в составе полка участвовал в русско-турецкой войне 1735–1739 годов за обретение возможности выхода России уже к Черному морю; в том числе в 1737 году – в осаде и взятии крепости Очаков, в 1738-м – в походе за Днестр, в 1739-м – в деле у Синковиц (Историческая

Сергей Алексеевич Тверитинов и оборона Севастополя

Будущий генерал родился в 1820 году в родовом отцовском имении в селе Климово Бронницкого уезда Московской губернии²³. Замечательно, что эта местность, расположенная на западе Мещерской низменности и некогда входившая в состав Рязанского края, весьма удаленная от морей и океанов и не имеющая к военно-морскому флоту никакого отношения, дала Родине нескольких морских офицеров – Тверитиновых.

Сергею Алексеевичу довелось участвовать в Крымской войне 1853–1856 годов, в том числе в Синопском сражении и обороне Севастополя. Впоследствии он принял деятельное участие в присоединении к России территорий Средней Азии. Во время службы был награжден шестью боевыми орденами и золотым оружием с надписью «За храбрость» и вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта по Адмиралтейству.

Судьба Сергея Алексеевича Тверитинова отмечена следующими вехами. С 1838 года он воспитывался в Морском кадетском корпусе. В 1842 году был произведен в гардемарины, в 1844-м – в мичманы. Его служба начиналась на Балтийском флоте – на фрегате «Отважность» и яхте «Нева». На Черноморский флот он был переведен в 1848 году. Здесь он служил на корвете «Три Иерарха», транспортном судне «Мамай», фрегате «Кулевчи», бриге «Птолемей» и оснащенный паровым двигателем фрегате «Бессарабия».

Участвовал в кампании 1849–1853 годов, в ходе которой в 1850 году был произведен в лейтенанты, крейсировал по Черному морю, нес охранительно-береговую, транспортную и продовольственную службы. В начале ноября 1853 года пароходофрегат «Бессарабия», на котором

справка по Луцкому драгунскому полку < <http://antologifo.narod.ru/pages/list/histore/istLutsDr.htm> >). Его внук, приходящийся Алексею Дмитриевичу Тверитинову (автору) пращуром, – Василий Сергеевич Тверитинов (1742 – после 1794), – корнет, а затем подпоручик Вятского кавалерийского карабинерного полка, приходился троюродным братом моряку Алексею Владимировичу Тверитинову (1742–1798), о котором рассказано выше. В составе кавалерии Василий Сергеевич участвовал в той же войне с турками за выход к Черному морю 1768–1774 годов, что и Алексей Владимирович на море, и имел ранения от турецких сабель. В коннице же на разных стадиях ее развития XVI–XVIII веков служили и все остальные известные предки этой ветви рода.

²³ В настоящее время территория бывшего села Климово относится к Воскресенскому району Московской области.

служил Сергей Алексеевич, присоединился к эскадре Павла Степановича Нахимова, доставив из Севастополя известие о начале войны с Турцией. Фрегат «Бессарабия» сразу же был послан Нахимовым к берегам Турции в разведку, где его команда отличилась умелыми действиями и захватила крупного «языка»: был пленен целый неприятельский корабль «Меджари-Теджарет» вместе со всей командой. От пленных были получены ценные сведения, что в Синопе группируется турецкая эскадра для осуществления задуманной у русских берегов крупной десантной операции. Вскоре на пароходофрегате «Одесса» Сергей Алексеевич принял участие в разгроме турецкого флота в Синопском бою и «за точное выполнение распоряжений командира с отличным присутствием духа»²⁴ был награжден орденом Св. Анны 3-й степени с бантом и годовым окладом.

Во время обороны Севастополя Сергей Алексеевич сначала находился на рейде, а с 13 сентября 1854 года – в гарнизоне на бастионе Корнилова²⁵ и на редуте Камчатка, где 26 мая 1855 года был ранен штуцерною пулей в голову и осколком бомбы в грудь. Но обстановка не позволяла дожидаться выздоровления. Едва оправившись от ранений, Сергей Алексеевич продолжает службу при адмирале Нахимове и выполняет его особые поручения во время бомбардировок. За отличие при обороне Севастополя Тверитинов был награжден мечами к имеющемуся ордену Св. Анны 3-й степени, орденом Св. Владимира 4-й степени с мечами и золотой полусаблей с надписью «За храбрость». В том же 1855 году он был произведен в капитан-лейтенанты. Писатель Сергеев-Ценский упоминает нахимовского флаг-офицера лейтенанта Тверитинова в романе-эпопее «Севастопольская страда». Он показывает, как Тверитинов руководит наведением моста в устье реки Черной и характеризует его как человека «хладнокровного, по-видимому, имевшего привычку делать все основательно, солидно, прочно»²⁶.

После горьких итогов войны на некоторое время флот перестал существовать на Черном море, и дальнейшая судьба Сергея Алексеевича Тверитинова привела его к сухопутной службе. В апреле 1857 года, оставаясь в морских списках, Сергей Алексеевич был временно переведен на гражданскую службу – николаевским городничим Са-

²⁴ Н.В. Скрицкий. Русские адмиралы – герои Синопа. – М., 2006. – С. 122.

²⁵ Бастион № 4 – центр оборонительной линии, созданной вице-адмиралом В.А. Корниловым.

²⁶ С.Н. Сергеев-Ценский. Севастопольская страда. – М., 1948. – Ч. 3. – Гл. 4 «Инкерманское побоище» (II).

марской губернии. В 1860 году был награжден орденом Св. Станислава 2-й степени с Императорской короной. В 1862 году произведен в капитаны 2-го ранга. В сентябре 1864 года, с назначением в штаб войска Оренбургского края для заведывания Аральской флотилией, Сергей Алексеевич вновь ненадолго возвращается к флотским делам. 27 марта 1866 года он был произведен в капитаны 1-го ранга. В 1867 году за военные отличия награжден орденом Св. Анны 2-й степени с Императорской короной и мечами и в ноябре того же года назначен на должность Гурьевского уездного начальника, а также председателем организационной комиссии по введению «Нового положения» между киргизами в Гурьевском уезде. Осенью 1870 года во главе военного отряда Сергей Алексеевич Тверитинов усмирал в Киргизской степи воинственных адаевцев, а также исследовал топографию местности для возведения укреплений в пригодных районах. В том же году за удачные действия Сергей Алексеевич был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с мечами. С 7 апреля по 9 октября 1871 года он командовал отрядом, посланным в низовье реки Эмбы для постройки укрепления на выбранном им ранее месте при озере Масме (Машме), а также для разведки возможных путей на Хиву. Вот как характеризует Сергея Алексеевича Тверитинова один из участников этой экспедиции интендантский чиновник Мачулин: «Начальник ниже-эмбинского отряда, он же и начальник Гурьевского уезда, был моряк, с теплым сердцем и стремлением ко всему хорошему, настоящий джентльмен. Киргизы его любят и вместе с тем боятся»²⁷.

В августе этого же года Сергей Алексеевич Тверитинов был назначен председателем Временного совета по управлению внутреннею Киргизскою ордою. 31 марта 1874 года он получил повышение с переименованием в армейский чин – в генерал-майоры по Адмиралтейству. В 1878 году был награжден орденом Св. Станислава 1-й степени. Но здоровье и возраст брали свое. И в апреле 1884 года Сергей Алексеевич был уволен от службы вместе с производством в генерал-лейтенанты и через год скончался.

Два старших брата и сын Сергея Алексеевича Тверитинова тоже были морскими офицерами и служили на Балтийском флоте. Брат Николай Алексеевич Тверитинов (1809 – ?) с 10-ти лет воспитывался в Морском кадетском корпусе, служил на различных кораблях и преподавал в том же Морском корпусе, был награжден рядом российских ор-

²⁷ Мачулин. Экспедиция на Эмбу в 1871 году. (Из походных заметок интендантского чиновника) // Нива. – СПб., 1872. – № 9 – С. 132–136.

денов и дослужился до чина генерал-майора по Адмиралтейству. Другому брату, Алексею Алексеевичу Тверитинову (1810–1836), повезло меньше. Когда Алексею исполнилось 9 лет, он вместе со своим старшим братом Николаем в 1819 году был определен на воспитание в Морской кадетский корпус. Так же как и Николай, Алексей был произведен в 1822 году в гардемарины, в 1826-м – в мичманы и в 1831-м – в лейтенанты. Участвовал в морских кампаниях. В Финском заливе попал в крушение брига. В ходе службы в 1836 году 25-ти лет от роду Алексей скончался. Потомства он не оставил. О сыне Сергея Алексеевича Алексее Сергеевиче Тверитинове (1870 – ?) известно, что он окончил Морской кадетский корпус и в 1896 году был произведен в мичманы.

Сергей Алексеевич Тверитинов.
Фото 1884 года.
(В нижнем правом углу автограф
С.А. Тверитинова).
Предоставлено правнучкой
С.А. Тверитинова
Марией Юрьевной Мосуновой
(Северюхиной)

Но вернемся ж к Севастополю и Крыму. Что значит Крым для нас, – эта небольшая, но великая и выстраданная часть нашей многонациональной Родины?.. Для нас – рязанцев, москвичей, тамбовцев и других?..

Созданный русским духом, оплаченный русской кровью, намоленный нашими святыми, воспетый поэтами, возвеличенный безмерною народной жертвой, наш сакральный Крым, – это наше прошлое, настоящее и будущее!

Севастополь, 1972 г. (справа автор)

Список архивных источников и литературы

- РГАДА. Ф. 1209. Оп. 911. Кн. 13751/107. Д. 30; Оп. 915. Кн. 13815л/180. Д. 36;
- РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Кн. 360. Л. 1177; Кн. 516. Л. 41; Оп. 3. Кн. 16. Л. 713; Оп. 4. Кн. 51 (1-я часть). Л. 644 об.;
- РГАДА. Ф. 1333. Оп. 1. Кн. 614;
- РГАДА. Ф. 394. Оп. 3. Кн. 274. Д. 80;
- РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 664; Оп. 51. Д. 251, 285;
- РГВИА. Ф. 400. Оп. 12. Д. 1877. Л. 86-91;
- ГАРО. Ф. 98. Оп. 8. Д. 49. Св. 54. 1793 г.; Оп. 40. Д. 28. Л. 4. 1793 г.; Оп. 117. Д. 1. Св. 500. Л. 77;
- Веселаго Ф.Ф. История Морского кадетского корпуса. – СПб., 1852. – Приложение.
- Общий флотский список за 1855 год. – СПб., 1855. – С. 28;
- Общий морской список. Ч. V. – СПб., 1890. – С. 170–171; Ч. XII. – СПб., 1900. – С. 11–13;
- Русский биографический словарь. – СПб., 1912. – Т. 20. – С. 380–382;
- Белькинд Л.Д., Мокеев А.Н., Тверитинов А.Е. Евгений Павлович Тверитинов, очерк жизни и деятельности. – М.-Л., 1962;
- Верховская Л.А., Тверитинов А.Д. Минный офицерский класс // Дворянский вестник. - М., 1995.- №2 (12), №3 (13);
- Тверитинов Алексей. На службе Отечеству // Рязанский следопыт.- Рязань: Российское энциклопедическое информационное книжное издательство «Горизонт», 1995. – № 5. – С. 20–23, обложка;
- Тверитинов А.Д. Рязанские ветви рода Тверитиновых в XVI–XX вв. // Рязанский родословец. – Рязань, 1996. – Вып. 2. – С. 184–222;
- Горбунов Б.В., Губников В.П., Трибунский П.А. Рязанцы, связавшие свою судьбу с флотом // Морским судам быть. – Рязань, 1996. – С. 57;
- Тверитинов А. Д. Тверитиновы // Рязанская энциклопедия. – Том III. – Р., 2002. – С. 477–478;
- Золотарев В.А., Козлов И.А. Три столетия Российского флота XVIII век. – СПб., 2003. – С. 593;
- Скрицкий Н.В. Русские адмиралы – герои Синопа. (Из серии В.А. Благово и С.А. Сапожникова «Россия забытая и неизвестная». Государственные деятели и флотоводцы). – М., 2006. – С. 122;
- Рындин И.Ж. Тверитиновы. // Материалы и исследования по Рязанскому краеведению. – Том. 7. – Сборник справочных сведений по

краеведению для учителей (Дополнительные материалы к «Рязанской энциклопедии»). Под ред. проф. Б.В. Горбунова. – Рязань, 2006. – С. 352–353;

Тверитинов А.Д. История и генеалогия рода Тверитиновых. – Том I. – Рязань, 2009. – С. 5–6, 37–38, 45–47, 67–69, 113–115, 168–169, 175–176, 186–187, 199–202;

Тверитинов А.Д. Тверитиновы – моряки из рязанского дворянского рода // Российский флот и Рязанский край. (Историко-энциклопедический словарь). – Рязань: Издательство «Пресса», 2011. – С. 377 – 380;

Тверитинов А.Д. История и генеалогия рода Тверитиновых. – Том II. – Рязань, 2013. – С. 119–128;

Тверитинов А.Д. Под Андреевским флагом за российский Крым. – М., 2017. – 76 с.

Локтева Оксана Викторовна,
*действительный член Российского Философского Общества РАН,
Академик Международной Славянской Академии,
доктор социологических наук,
автор книги-путеводителя по российскому Крыму*

КРЫМ В РОДНОЙ ГАВАНИ

Возвращение Крыма в родную гавань произошло в день Святого Луки Крымского. 18 марта – день памяти (обретение мощей) святителя и исповедника Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Крымского, чудотворца.

История нашей страны знает множество людей, послуживших ее становлению, возвеличивая ее как святую Русь. Но где она, святая Русь? И можем ли мы назвать так современную Россию? Ответ на этот вопрос лежит вне физических законов и исторических рамок. Святая Русь – это вневременное устройство. Это сонм святых, живших на Руси во все века и сохранявших верность Господу. К великому сонму святых, явленных и неявленных, в тяжелейшем для Церкви XX веке присоединился целый собор новомучеников и исповедников Российских. И среди них мы видим величественную фигуру святителя Луки (в миру Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого; 1877–1961) – ученого с мировым именем, профессора хирургии и топографической анатомии, одного из основателей регионарной анестезии и гнойной хирургии. Он в течение многих лет работал земским врачом в самых разных частях России – от юга родины до самых крайних точек на севере страны, был награжден Сталинской премией I степени, а за участие в Великой Отечественной войне медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Как напутствие нам звучат его слова: «Мой священный долг учить людей тому, что свобода, равенство и братство священны, но достигнуть их человечество может только по пути Христову – пути любви, кротости, отвержения от себялюбия и нравственного совершенствования». 18 марта 1996 года состоялось обретение святых мощей архиепископа Луки, которые ныне почивают в Свято-Троицком кафедральном соборе Симферополя (ныне Свято-Троицкий женский монастырь).

Это Крым, и по совести это Россия!
Что бы ни было, мы будем вместе, конечно.
Сколько было здесь войн, сколько было побед!
Здесь Святая земля, здесь Россия навечно.
Только так, не иначе, и выбора нет.
Это Крым, и по совести – это Россия!
Здесь везде только русская речь.
Это Крым, здесь названия до боли родные –
Симферополь и Ялта, Севастополь и Керчь.

Здесь все полито кровью наших предков, наших родных дедов и прадедов. Приезжая за эти годы, я еще застала этих людей, простых и скромных, но людей героических, сохранивших нам мир. Всеми этими красотами и благами – всем мы обязаны им, этим героям.

Я люблю Крым, пишу о Крыме, занимаюсь краеведением. И так вышло по судьбе, что я участник Крымской весны. У меня всегда с собой по жизни была георгиевская гвардейская ленточка, после 1991 г. я носила ее постоянно. Тут она мне и пригодилась. Мы узнавали друг друга без слов.

Эту землю уже никогда не разделишь.
То, что связано кровью, не разорвешь.
На чужие знамена кресты не прицепишь.
Остальное лишь глупость да хитрая ложь.

Таврия, Таврида, Крым всегда являл собой южный форпост Руси. Быстро летит время, и вот мы снова отметили дату официального воссоединения легендарного полуострова с Россией!

«Волшебный край, очей отрада» – строки Александра Сергеевича Пушкина.

Крым мы знаем как любимое место отдыха миллионов граждан СССР, как место, где целительный климат в сочетании с лечебными грязями и минеральными источниками поистине творят чудеса. Разнообразие его природы поражает художников, поэтов и кинематографистов. На Крымском полуострове набирались сил и творили Пушкин и Волошин, Цветаева и Айвазовский, Чехов и Грин... Великолепные пейзажи можно увидеть в любимых кинофильмах. Здесь уже 100 лет снимается кино – фантастика, приключения, сказки и даже картины о покорении Арктики. Крым – это атмосфера творчества. Для любознательных – здесь столько загадок и тайн!

Крым в нашем сердце и в нашей памяти – как великая героическая история нашей Отчизны!

Далеко за пределами нашей страны известны такие города, как Керчь, Севастополь, Симферополь и Ялта. Карадаг – самая древняя земля Европы.

У подножия Карадага – как говорят геологи – самой древней земли Европы, находится дорогое каждому патриоту нашей страны место, где в прошлые века находился южный форпост Руси в ряду других, расположенных на территории славной Тавриды.

В соавторстве с моим мужем Дмитрием Константиновичем Локтевым мы написали книгу-путеводитель, который стал первым после воссоединения федеральным путеводителем по Крыму, потому что интуитивно мы взялись за его написание в 2013 году, а готовились давно, в таких случаях говорят «всю жизнь». Так и есть. Жаль, что по разным причинам не вошла в него обширная краеведческая часть, а ведь крымская земля – это наша история, наша культура, связанная с самыми блестящими именами знаменитостей. После первого издания (тираж первого, вышедшего в июне 2014 года, был распродан уже в декабре) вышло второе, дополненное.

В путеводителе «Крым» вы найдете маршруты по городам Крымского полуострова с подробным описанием маршрутов.

Путеводитель «Крым» в серии «Русский гид-Полиглот» выпущен в тесном взаимодействии с Министерством курортов и туризма Крыма. В новое издание включено 4 новых авторских маршрута по полуострову, ставших лауреатами конкурса «Лучший маршрут по Крыму». Путеводитель дополнен подробной картой, содержит 11 маршрутов, 15 внутренних карт и схем.

По Крыму можно путешествовать в автобусе и на автомобиле, на велосипеде и верхом на лошади, пешком с посохом в руке или сразу с двумя волшебными палочками для оздоровительной ходьбы!

Крым. Верный себе и России. Верный традициям. Доброжелательный, открытый и отзывчивый, с древней историей и юной душой. Где на каждом шагу встречаешь свидетельства героизма и терпения. Врачей и воинов, сестер милосердия и простых трудолюбивых людей. И видишь: потомки достойны великих имен.

6 июня 2014 года в Пушкинский день России в Симферополе торжественно открыли памятник святому преподобному Сергию Радонежскому, который известен как собиратель земель русских. В Крыму,

который своим прошлым, настоящим и будущим неотделим от России, этот памятник – символ добра, справедливости, символ сбережения наших великих исторических и культурных ценностей и устремленности в будущее.

Событие приурочено к празднованию в 2014 году 700-летия со дня рождения Сергия Радонежского, в ходе мероприятий VIII Международного фестиваля «Великое русское слово».

Способность передавать традицию отличает народ от населения. Мы остаемся народом именно потому, что у нас есть целый арсенал инструментов передачи тех жизненных ценностей, которые свободно принимаются каждым из нас. И они у нас общие, они нас объединяют, собирают воедино, несмотря на давление многих центробежных сил. Это воля, правда и святая любовь.

В конце октября прошлого года я успела в замечательном мероприятии поучаствовать и цветы посадить у памятника партизанам, ирисы и крокусы. Люди со мною подобрались хорошие, можно сказать, деликатные.

«Здесь, на старой Земской дороге, ведущей из Старого Крыма в Коктебель, был установлен памятный знак. К месту события приехали люди из разных уголков Крыма – из Севастополя и Симферополя, Феодосии и Керчи, Белогорска и Старого Крыма, Советского, Нижнегорского, Кировского и Ленинского районов. Была даже представительница из Волгограда – город-герой Сталинград. «Донская казачка Оксана Викторовна Локтева, военно-исторический клуб «Донская пулеметная команда», участница ансамбля старинной казачьей песни «Курень», – по-военному представилась она корреспонденту «Победы». – Два дня назад вместе со своим коллективом я была на Мамаевом кургане. Сегодня я в Крыму, который тоже стал для меня родным. Привезла сюда поклон с моей родной героической земли, где сейчас готовятся к празднованию 75-летия победы в Сталинградской битве. И напутствие молодежи: мы помним, что мы наследники великих побед. Мы всегда побеждали, побеждаем и будем побеждать, – сказала она» («Победа», «Феодосийская газета», № 115 от 24 октября 2017 г., 5-я стр.).

И в заключение мои стихи из поэмы, посвященные древнему поселению у подножия Карадага:

Таусень! Три раза крикнула
К солнцу руки воздевая.

Хороводом откликнулись образы
Тех, кто город воздвиг, – Врата рая.

На высоком престоле предгория он сиял,
Взгляды всех привлекая.
По ступеням лестницы беломраморной
Шли все к морю, всегда напевая.

Гончары, ювелиры и зодчие
Жили мирно, творя, созидая.
Сохраним – преумножим хорошее,
Землю предков своих почитая!

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ КРЫМ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, СОВРЕМЕННОСТЬ

*Информационные материалы
заседания круглого стола ГБУ «МДН»*

Корректор – Т.П. Костенко

Изготовление оригинал-макета
и компьютерная верстка – Т.Е. Щербакова

Цифровая печать – А.А. Миллер

Подписано в печать 28.06.2018 г.

Усл. печ. л.: 6

Тираж 150 экз.

Заказ № 345-18